

PĒTERA STUCKAS LATVIJAS VALSTS UNIVERSITĀTE
ЛАТВИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ПЕТРА СТУЧКИ

ZINĀTNISKIE RAKSTI
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

SEJUMS 36 TOM

RIGA 1960 RIGA

24/5760

111

REDAKCIJAS KOLEĢIJA

Filoloģijas zinātņu kandidāte, docente M. Semjonova

Filoloģijas zinātņu kandidāte L. Taubenberg

Pasniedzējs J. Kušķis

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Кандидат филологических наук, доцент М. Ф. Семенова

Кандидат филологических наук Л. И. Таубенберг

Преподаватель Я. Я. Кушкис

FILOLOĢIJAS ZINĀTNES

KRIEVU VALODAS KATEDRAS RAKSTU KRĀJUMS

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

СБОРНИК КАФЕДРЫ РУССКОГО ЯЗЫКА

LAIDIENS 6 A ВПУСК

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Предлагаемый выпуск Ученых записок Латвийского государственного университета является небольшим сборником работ кафедры русского языка историко-филологического факультета.

Сборник представляет тот круг вопросов, над которыми работают члены кафедры, а также отражает научные связи кафедры с другими вузами нашей страны, Ленинградским и Тартуским университетами.

Ряд работ (Н. Д. Боголюбовой и Л. И. Таубенберг, Т. Ф. Мурниковой (Тарту), М. Ф. Семеновой) тесно связан с актуальными местными материалами и проблемами.

Н. П. Раздорова, Т. И. Пабауская представили части своих диссертационных исследований по языку писателей.

Статья М. А. Соколовой (Ленинград) посвящена истории русской лексики и статья Н. А. Донец — синтаксису современного русского языка.

Все отзывы, замечания и предложения просим направлять в редколлегия по адресу: Рига, ул. Ленина 32.

FROM THE EDITORIAL BOARD

This issue of the Scientific Papers of the Latvian State University comprises a series of works of the Chair of the Russian language of the historical-philological department.

The collection deals with the problems on which some scientific research is being carried out by the members of the Chair, and it also reflects the scientific links of our Chair with other universities in our country, such as the Leningrad and Tartu Universities.

• Several articles: "On old Russian literary monuments of the XIII—XIV centuries in the Riga City Archives" by N. Bogoljubova and L. Taubenberg, "Russian dialects in Estonia" by T. Moornikova, "Specimens of texts of some Russian dialects in the Latvian SSR" by M. Semjonova — are closely connected with the most urgent local data and problems of to-day.

N. Razdorova's "Metaphorical use of nouns" (based on the works of K. Paustovsky), T. Pabauskaja's "Chekhov's work on his language" and "Letters to Chekhov written by Latvian correspondents" are parts of their theses.

M. Sokolova's article "Synonyms in the literary monuments of the XVI century" (based on «Domostroj») is devoted to the history of the Russian vocabulary and N. Donets' work "On the question of the limits and types of the predicate" deals with syntactical problems of Modern Russian.

All references, comments and suggestions should be forwarded to our editorial board, address—32, Lenin Street, Riga.

Н. Д. Боголюбова, Л. И. Таубенберг

О ДРЕВНЕРУССКИХ ПАМЯТНИКАХ XIII—XIV В. В. РИЖСКОГО ГОРОДСКОГО АРХИВА

Рижский городской архив содержит большое количество древнерусских рукописей, свидетельствующих об оживленных экономических связях между русскими землями и Ригой — крупным торговым центром Прибалтики.

Эти рукописные материалы сосредоточены в основном во внешнем архиве в отделе «Moscovitica-Ruthenica»¹ лишь некоторые из них по заведенному некогда порядку хранятся во внутреннем архиве, хотя такое расположение ничем не оправдывается.

Памятники представляют собою договорные грамоты, послания отдельных лиц по вопросам государственного или частного порядка.

Имеющиеся материалы отражают богатые торгово-экономические связи в основном с западно-русскими землями (Смоленском, Полоцком) и Великим Новгородом.

Что касается научного значения Рижского архива то, принимая во внимание древность хранящихся в нем памятников, его можно поставить в один ряд с архивами Москвы, Ленинграда, Казани, Новгорода.

По свидетельству работников РГА, среди ученых различных отраслей наук распространено мнение, что большинство древнейших материалов архива пропало бесследно в период Первой империалистической и Великой Отечественной войн. Этим, вероятно, объясняется и то, что в последние десятилетия в Рижском архиве менее интенсивно используются древнейшие рукописные материалы. Совершенно не случайно также в «Хресто-

---

¹ Ф. Г. Енш, «Polonica» в Рижском городском государственном архиве. Уч. Зап. Института Славяноведения АН СССР, т. II, 1950 г.

матии по истории русского языка»² указывается, что грамоты «хранились» в Рижском городском архиве.

Действительно, в целях сохранения 128 документов из отдела «Moscowitica-Ruthenica» в сентябре-октябре 1915 г. вывозились из Риги. В сентябре 1915 г. был вывезен 1-й ящик, в котором находились документы XIII века (16), XIV века (7), XV века (51); второй ящик был отправлен в октябре, в нем находились: 31 документ XV века, 17 документов XVI века, 2 документа XVII века и 14 документов XVIII века.

В Рижский архив они были возвращены в 1927 г. Весь этот период времени с 1915 г. до 1927 г. они находились в Петербургской Академии Наук.³

За все это время количественно и качественно состав документов архива почти не изменился, и в настоящее время он располагает почти теми же материалами.

В научной литературе нет работ, которые давали бы полное представление о древнерусских памятниках, хранящихся в РГА, хотя многие из них напечатаны в различных сборниках и актах исторических. Большая часть из них собрана К. Э. Напиерским и издана Археологической комиссией. Новгородские и псковские грамоты вошли в сборник «Грамоты Великого Новгорода и Пскова», изданный АН СССР, в 1949 г.⁴

Настоящая статья дает представление о том, какими древнерусскими рукописями XIII и XIV в.в. располагает РГА, кем и когда они издавались, какие из памятников еще не опубликованы, какие изданы без фотокопий, кто использовал их при исследовании фонетических и грамматических особенностей древнерусского языка.⁵

В целях общедоступности пользования древнейшими материалами, имеющими, несомненно, огромное научное значение как для лингвистов и палеографов, так и для историков, считаем необходимым поместить в настоящей статье фотокопии тех грамот, которые их не имеют, хотя и неоднократно издавались, но различные издания одной и той же грамоты далеко

---

² С. П. Обнорский, С. Г. Бархударов. «Хрестоматия по истории русского языка», Учпедгиз, 1952 г., стр. стр. 44, 51, 61, 64, 144.

³ Сведения взяты в РГА, фонд 214, опись 2, дело № 20.

⁴ Ср. также L. K. Goetz. *Deutsch-russische Handelsverträge des Mittelalters*, Hamburg, 1916, где дается для некоторых грамот текст и комментарии (правда, не по первоисточникам). Содержание же большинства грамот кратко передается на немецком языке и комментируется с точки зрения торговых отношений.

⁵ Анализ языка грамот будет дан в следующей статье.

неадекватны (ср. издание полоцкой грамоты 1339 г. в Р-ЛА № 122 и в LUB 4, № 1483).

В тех же случаях, когда нами вообще не установлено издания грамот, кроме фотокопий, помещается текст грамот с разбивкой на слова.

Для облегчения набора текст грамот будет передаваться гражданским шрифтом. Титла и другие надстрочные знаки не обозначаются и не раскрываются; надстрочные буквы вносятся в строку. Заменяются: *э* и *а* йотированные — буквами *е*, *я*; юс малый — *я*; омега — *о*; из всех написаний *у* сохраняется одно—у; ять обозначается транскрипционным знаком — *ѣ*.

При описании грамоты группируются по географическому принципу (сношения Риги со Смоленском, Полоцком, Псковом и Новгородом) и располагаются в хронологическом порядке.

*

Из древнейших рукописных памятников XIII в. на русском языке в архиве хранится 13 грамот: 5 смоленских, 5 полоцких, и 3 новгородских.

Смоленские грамоты I пол. XIII в. являются общими для трех княжеств — Смоленского, Полоцкого и Витебского; со второй же половины XIII в., когда Полоцк и Витебск вошли в состав Великого княжества Литовского, мы имеем уже, с одной стороны, смоленские грамоты и особо полоцкие и витебские, причем последние иногда пишутся от имени Литовских князей, но в полоцких канцеляриях.

СМОЛЕНСКИЕ ГРАМОТЫ XIII В.

Самой старейшей грамотой РГА на русском языке является «Грамота князя Мстислава Давидовича с Ригию и Готским берегом», 1229 г., представленная пятью списками Рижской и Готландской редакций. Списки С и Е хранятся во внешнем архиве в отделе «Moscovitica-Ruthenica»; списки А, В, Д — во внутреннем архиве, капсула а №№ 14, 15, 17. В печатном каталоге грамота числится за №№ 923—925⁶, издана: Р-ЛА № 421, стр. 420.⁷

⁶ Katalog der Ausstellung zum X archäologischen Kongress in Riga, 1896. Riga, 1896.

⁷ Русско-ливонские акты, собранные К. Э. Напьерским. Изданы Археологической Комиссиею, Спб., 1868.

«Грамота смоленского князя Федора Ростиславича по судному делу о немецком колоколе», 1284 г., оригинал. Рукописный каталог РГА № 6, печатный каталог № 929. Издана: Р-ЛА № 37, стр. 19; LUB 6, № 3049;⁸ Грамоты, касающиеся . . . , IV снимок.⁹

«Грамота Федора Ростиславича к епископу и ратманам рижским», 1283 г., оригинал.

Во внутреннем архиве хранится оригинал — фонд I, капсула а, № 72, грамота числится по рукописному каталогу, составленному Мильхеором Видау в 1775 г. Во внешнем архиве хранится копия грамоты на немецком языке, рукописный каталог № 6-а, печатный каталог № 928; издана LUB, № 492. (См. фотокопию № 1).

«Грамота рижского архиепископа к Великому князю Федору Ростиславичу смоленскому, в которой обвиняются жители Витебска в несправедливой жалобе на рижан», 1287 г., список.

Рукописный каталог РГА № 8; издана: Р-ЛА № 34, стр. 18; LUB 6, № 3051; грамоты, касающиеся . . . , III снимок.

«Грамота Александра Глебовича смоленского в Ригу», 1291—1300 г., оригинал. Рукописный каталог РГА № 12, печатный каталог № 932, издана: Р-ЛА № 47; LUB 6, № 3057; Грамоты, касающиеся . . . , снимок VIII.

ПОЛОЦКИЕ ГРАМОТЫ

«Грамота великого князя Герденя с Ливонским геррмейстером», 1264 г., оригинал.

Рукописный каталог № 4, издана: Р-ЛА № 25-а; LUB 6, № 3036; Грамоты, касающиеся . . . , снимок II-а.

На обороте грамоты «Грамота Изяслава полоцкого в Ригу», 1265 г. Издана: Р-ЛА 25-б; зив 6 № 3037.

«Рядная Тешаты и Якима», 1266 г., оригинал. Рукописный каталог РГА № 10; печатный каталог № 931, издана: Р-ЛА № 27; LUB 6, № 3045; И. Сахаров, Образцы древней письменности, табл. XVII, СПб., 1891 г.; С. П. Обнорский, С. Г. Бархударов, Хрестоматия . . . стр. 64.

«Грамота полоцкого епископа Якова к рижскому пропсту относительно мирных сношений», 1298 г., оригинал. Рукопис-

⁸ Liv- Estn- und Curländisches Urkundenbuch nebst Regesten. Dr. Fridrich Georg von Bunge, 6. Band, Riga, 1873.

⁹ Грамоты, касающиеся до сношений Северо-Западной России с Ригу и Ганзейскими городами в XII, XIII, XIV веке. Найдены в Рижском архиве К. Э. Напьерским и изданы Археологическою комиссиею, СПб. 1857.

ПРИЗЛОНИ ОУТЪЗНАДЪ ФЕДОРА КЪ ПИНСКОМУ ПО
НИКЪ ДЛАСТЕРОУ НИ РАТЛАМОДЪ ШТОГОУА
ТЪ НАДЪ РЮКЪ СЪ ПИНСКОМУ ПОДЪ НАМЪ ДЛАСТЕРО
ДЪ ТОКЕ СЪ ВЕДЪСА ДЪ КСАДМЪ АБАШОМОУ
СТЕ КИ СЪ ДЛОГОУА И ПОУТЪУИ СЪ АНАШОМОУ
СТЕ КИ КОУАНИ КЪ КИ ДЪ ПОУТЪУИ СЪ АРОУКЪ
ЖАН СЪ ДЪ ГИТИ И НА ДЪ КЪ СЪ БЕ КЪ СЛОДЕНА СЪ
НИ ВЪ ДЪ КЪ СЕ КЪ БРИ КЪ И НАГО ЦА СЪ КО ДА БЕРУТ
КОУЛЬ ЦОУМЪ СИ ЖЕ ГРАДО ТА И СА НА КЪ СЪ
И ШАЛО КЪ ИА ОУЖЪ КЪ А ГИ ДА ДО СЕ ГО ЛЪ ТЪ А
ТЪ НА КЪ СЪ ТЪ А ТЪ И ОУ СЪ ДА СЪ ТЪ А Е ТЪ И ТЪ
А ТЪ А КЪ У СЪ ТЪ ВЕР ТЪ О Е ЛЕ ТЪ О НА КЪ У НЕС Е Н Е ГИ
Д Т О У БЪ ЛЪ КЪ СЪ Д О У ТЪ И СЪ КЕ НА ДЪ КЪ СЪ ТЪ И
ЖИ НА ФЕ Д О Р О В Е А И Д РЪ И Д А И Д А И О К И У К И
ТЪ А Р ТЪ Д И И НА ДЪ С Т А И И КЪ О С Т А Ф И И
А Д Д И О Д И К О У А А Д Д И К О К И У А Б Е Р Т И Т И И
НА ДЪ С Т А И И КЪ В А Д У И Д И Р О С Л А КЪ О Л Е
К С А У Е Р МЪ И Т Е Р Е Н Ъ Т Е Н Т А Л О Ж И И КЪ Б Е Т Д И
О И Д РЪ И П О ПЪ А Т О У БЪ ЛЪ П Р И Д О К О М У А И Г Р А
Д О ТЪ С Е А Ю К Р А ДЪ П О С О ЛЪ О ТЪ Д Л А С Т Е Р А
А О ТЪ Г О Р О Ж А НЪ П Е Т РЪ К А Р Т О А ТЪ А КЪ Т О Г О ВЪ
Ц И ДЪ Ф Е Д О РЪ К О Л И К О У И И КЪ И У К Р Ю Н А Ж Е И
И А Г Е Л Д И И КЪ И У Т Д И Ш Т Е Р А А Л О Н СЪ П Е
У А Т И И КЪ И Н А Ж Е Ф Е Д О Р О В Е П Е У А Т А А Д Ф Е Д О
Р И К О И С Е Ц И Г И Н А Ж Е Ф Е Д О Р О ВЪ КЪ С А ДЪ

№ 1
книга
+ 22

Фотокопия № 1.

[The page contains dense, mirrored text from a book, likely a manuscript or printed work, appearing as bleed-through from the reverse side. The text is too small and faint to transcribe accurately, but it covers the majority of the page area.]

Фотокопия № 2.

ный каталог РГА № 9; печатный каталог № 930; издана: Р-ЛА № 38, стр. 19—20; LUB 6, № 3056; Грамоты, касающиеся..., сн. VI.

«Грамота рижан к князю Михаилу Константиновичу витебскому», 1298 г. Список (*Reinschrift*). Рукописный каталог № 11; издана: Р-ЛА № 49; LUB 6, № 3059. (См. фотокопию № 2)

НОВГОРОДСКИЕ ГРАМОТЫ

«Договорная грамота Новгорода с Готским берегом, Любеком и немецкими городами о мире и дружбе», 1259 г., оригинал. Рукописный каталог РГА № 3; издана: Р-ЛА № 31; LUB 6, № 3033; И. И. Срезневский, Договорные грамоты...¹⁰ стр. 166—171; И. И. Срезневский, Исторические чтения, 1857 г., стр. 311—317; Грамоты, касающиеся... Сн. 1-а; Грамоты Вел. Н. и Пс., изд. АН СССР, грамота № 29, стр. 56.

В Рижском архиве грамота датирована 1259 г., т. е. как у К. Напиерского, а в Сборнике «Грамоты Великого Новгорода и Пскова» — 1262—1263 г.г.

Основание датировки: год окончания победоносного похода Новгородского князя Дмитрия под Юрьев 1262 г. и год смерти Александра Невского 1263 г. Материал о перечисленных событиях взят из I Новгородской летописи.

На оборотной стороне грамоты написан тем же почерком предшествующий данной грамоте договор 1199 г., «Грамота Ярослава Владимировича и всего Новгорода». Издана: Грамоты, касающиеся до сношения...,¹¹ № 16; LUB 6, № 3010; Грамоты Вел. Н. и Пс., гр. № 28, стр. 55.

«Пропускная грамота князя Ярослава Ярославича с согласием Менгу Темира о свободном пути для гостей», 1266 г. — 1272 г. В архиве хранится подлинник и список грамоты. Рукописный каталог РГА № 5; издана: Р-ЛА № 26, стр. 14 (по списку); стр. 453 (по подлиннику); LUB 6, № 3031; Грамоты Вел. Н. и Пс., грамота № 30. (См. фотокопию № 3).

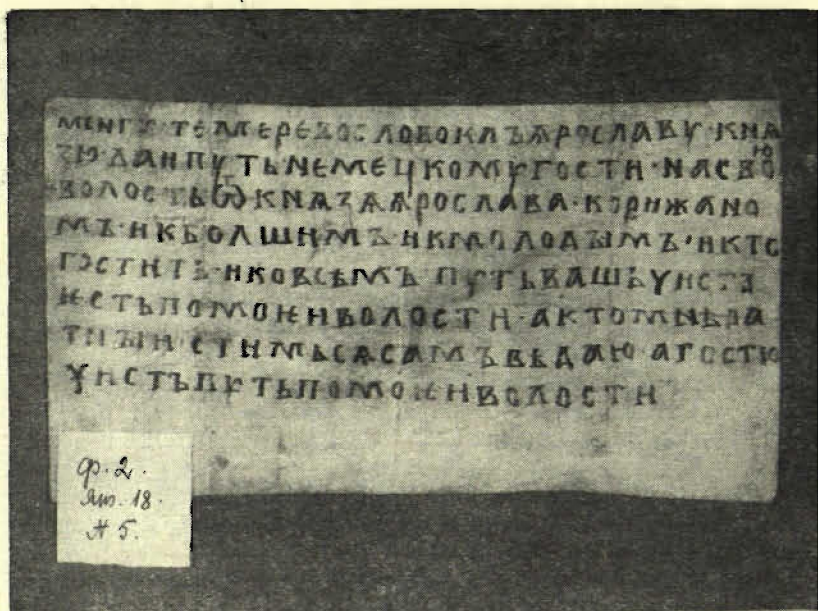
Из рукописных материалов XIV в. на русском языке в архиве имеется 15 грамот: 6 новгородских, 8 полоцких и 1 псковская.

Таким образом, по сравнению с XIII веком возрастает ко-

¹⁰ И. И. Срезневский, Древнейшие договорные грамоты Новгорода с немцами 1199—1263 г.г., ИОРЯС, т. VI, СПб. 1858.

¹¹ И. И. Срезневский, Древнейшие договорные грамоты Новгорода с немцами 1199—1263 г.г. ИОРЯС, т. VI, СПб. 1858.

Фотокопия № 3.

личество новгородских и полоцких грамот и совершенно отсутствуют смоленские грамоты.

Отношения с Полоцком представлены «Грамотой псковского посадника Сидора и Рагуила в Ригу о выдаче беглого должника Нездильца», нач. XIV в., оригинал.

Также приблизительно она датируется в сборнике «Грамоты Великого Новгорода и Пскова». Датировка основана только на близости печати грамоты к печати архиепископа Довмонта.

Рукописный каталог № 86, печатный каталог № 937; издана: А. Соболевский и С. Пташицкий, Палеографические снимки, № 45; «Грамоты Новгорода и Пскова», грамота № 332, стр. 317—318; С. П. Обнорский, Хрестоматия..., стр. 143.

НОВГОРОДСКИЕ ГРАМОТЫ

«Договорная грамота Новгорода с Любеком, Готским берегом и Ригою о представлении немецким купцам сухопутных и водного путей», 1300 г. В сборнике «Грамоты Великого Новгорода и Пскова» на основании LUB 6 грамота относится к

1301 г. В рукописном каталоге Рижского архива датировка грамоты основана на Р-Л актах. В архиве хранится оригинал и одновременный список.

Рукописный каталог РГА № 13; печатный каталог № 933; издана: Р-ЛА V 48; LUB 6, № 306; Грамоты, касающиеся . . . , сн. № 9; грамоты Вел. Н. и Пс. гр. № 34, стр. 63.

Грамота Новгорода к Риге с требованием возврата награбленного товара и выдачи разбойников», 1303—1307 г.г., оригинал. В некоторых изданиях она озаглавлена иначе: «Грамота епископа Феклиста (или Феоклиста) к городу Риге.

Рукописный каталог РГА № 16, печатный каталог № 935, издана: Р-ЛА № 50, LUB 6, № 3058; А. Соболевский, Палеографические снимки . . . , сн. № 43-б¹²; Грамоты Вел. Н. и Пс. № 36, стр. 64.

«Грамота великого князя Андрея к людям датского короля в Колывани».

В рукописном каталоге РГА грамота датирована 1312 г. На том же основании, что и предыдущие. В сборнике «Грамоты Великого Новгорода и Пскова» она относится к 1302 году на основании показаний I Новгородской летописи. В «Грамотах, касающихся . . . » и в «Хрестоматии» С. П. Обнорского и С. Г. Бархударова — к 1294—1304 г.г.

Рукописный каталог № 15, печатный каталог № 934; издана: Р-ЛА № 43; LUB 6, № 3062; Грамоты, касающиеся . . . , сн. № 5; Грамоты Вел. Н. и Пс. № 35, стр. 64.

«Договорная грамота между Новгородом, Готландом, Ригой, Дерптом и Ревелем», 1392 г. (Нибуров мир).

В архиве хранится одновременная копия. Рукописный каталог № 47; Р-ЛА № 115; LUB 6, № 2924; грамоты Вел. Н. и Пс. № 46, стр. 80.

«Грамота от посадника новгородского Александра Фомина и от тысяцкого Елисея Константиновича к рижским посадникам», около 1400 г., оригинал. По рукописному каталогу РГА числится за № 87. Грамота не включена в сборник «Грамоты Великого Новгорода и Пскова», т. к. авторы в основном пользовались уже имеющимися изданиями грамот без привлечения первоисточников. Единственный, по нашим сведениям, текст грамоты помещен в «Хрестоматии по истории русского

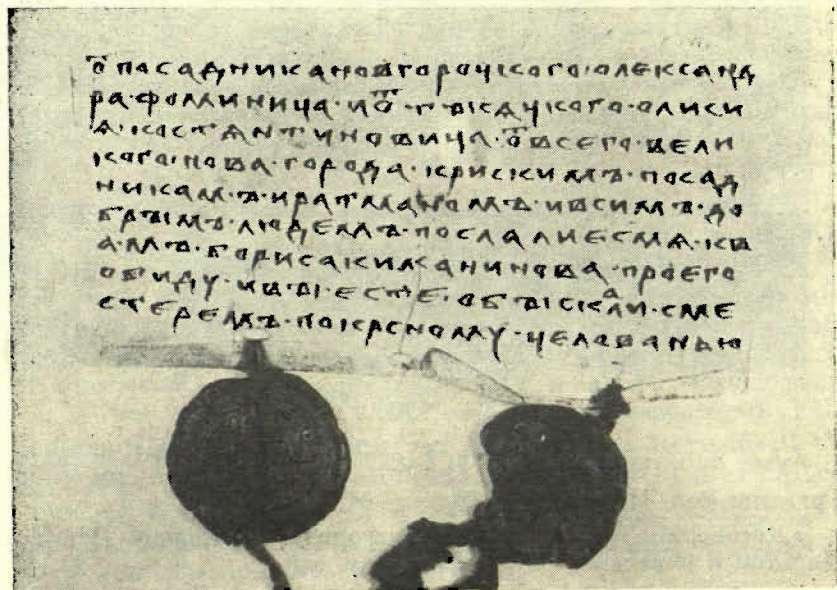
---

¹² А. Соболевский и С. Пташицкий, Палеографические снимки с русских грамот, преимущественно XIV в, изд. Петроградского Археологического института, СПб, 1903 г.

языка»,¹³ приводимый по фотографическому снимку, который, вероятно, имеется в личном пользовании авторов. Приводим фотокопию грамоты (см. фотокопию № 4). Грамота имеет 9 строк, написана на бумаге, которая в некоторых местах помялась, снизу до половины порвалась и пожелтела, чернила сохранились хорошо.¹⁴

Фотокопия № 4.

«Грамота всего Новгорода к заморским послам в Юрьев», конец XIV — нач. XV вв., оригинал. В рукописном каталоге РГА № 67. По имеющимся у нас данным, за исключением «Хрестоматии по истории русского языка», стр. 145, грамота никем не издавалась.

Грамота написана на бумаге, содержит 14 неполных писанных строк. В целом сохранилась хорошо. Лишь в нескольких

¹³ С. П. Обнорский, С. Г. Бархударов, Хрестоматия по истории русского языка, 1952 г., стр. 144.

¹⁴ На оборотной стороне грамоты краткое содержание на немецком языке, сделанное архивариусом Гильдебрантом в конце XIX века.

местах пожелтела бумага. Чернила, за исключением некоторых букв, не изменили своего цвета.

Фотокопия № 5.

ТѢ ДСАНИ ГРЪБНДА НАМѢСТНИКЪ ВЪ ПЪВАН НА ПИСИ ДА ПИСА ДНИКА
ГЕСИ ФАЗА ДАРЪВНИ УАБ ТЪСА УКОГО ТА ПГОДИ НА ДАВИЦА НИХ СЕГО
ВЪ НИ ПОГОНЕ БРОДА ДА ИХА МЕРСЪ КЪ МЪ ПЛОСА МЪ БЪЗЪРЪВОНЕ ДА МЪ
НА ДРУГОМУ ИВАУ У ТЪ ИСТЪ КЪ НАМЪ ТРАНСЛАДЪ ИМЪ ПЪРАШЪ ГРАМО ТУСА
ШНАГО ПО ВЪСТЪ МЪ ТЪ ДА ВЪ У ТЪ КЪ ШЪ СТЕ ПОСА ДЪ И НАМЪ ПЪРЪВЪ БОГО
ПОСА ДЪ ПЪРАШЪ У ТЪ ПЪ ДО ГРЪВН ПЪ ДА ОКСА КЪ ДЪ ДЕСЪ ТЪ НА КЪ ПЪРА
ДЪ У И НА ТО ГО У НА СЪ ПЪ РА ВЪ СЕГО НЕ ПЪЛОУ ТО НАМЪ ПЛОТЪ БО ГРЪВ А НА
МЪ ПЪ ДА МЪ ПЪ ДА МЪ У И ИМЪ ПЪ РЪ ГРАМО ТА НА МЪ СЪ БО МЪ ПЪЛОУ ГРЪ ДЪ У И
ПЪ СЪ ВЪ СЪ ВЪ У И НА МЪ ПЪ СЪ ВЪ МЪ ПЪ РА ПЪ ДЪ ПЪ ДА МЪ ПЪ РА СЪ ПЪ РЪ КЪ ДА МЪ ПЪ
ПЪ МО ТУ О ПАСМУ ШЪ ПЪ СЪ ПЪ НА СЪ ПЪ И НА ШЪ МЪ ПЪ ПЕ У А ТЪ ДА МЪ У ТЪ ВЪ МЪ
ПЪ ЗАНЪ ПЪ КЪ СЪ А И ШЪ ПЪ КЪ ГРЪ ДЪ ПЪ И НА ПЪ ТИ ПЪ ТЪ КЪ ТЪ ПЪ ХЪ ПЪ СЪ
ПЪ О ПАСА ПЪ РО ТА НА ВЪ ПЪ СЪ ПЪ МЪ И НА МЪ ПЪ ТЪ ПЪ ВЪ КЪ И НА МЪ ПЪ СЪ ПЪ
ПЪ О ПАСУ НА КЪ ПЪ ДУ И СЪ ТЪ ПЪ СЪ ПЪ И НА МЪ ПЪ РЪ У КЪ ПЪ ВЪ А МЪ ПЪ ТЪ ПЪ ТЪ ПЪ ПЪ
И ДА ТИ ПЪ ПЪ ДА ТЪ ПЪ СЪ ПЪ СЪ А КО ГО ПАСА

ПОЛОЦКИЕ ГРАМОТЫ

Грамота между Ригой и Полоцком о мерах веса, 1338 г. В архиве хранится оригинал и 2 одновременных копии. Рукописный каталог № 30, 31, 32; печатный каталог № 936; издана Р-ЛА № 74; LUB 6, № 3076; Грамоты, касающиеся... сн. № VII. В Р-ЛА и «Грамотах, касающихся...» датирована 1330 годов на основании показаний I Новгородской летописи.

Грамота воеводы Монтигирда и всего Полоцка в Ригу. 1396 г., оригинал. Рукописный каталог № 52, издана: Р-ЛА № 134; LUB 6, № 2931. (См. фотокопию № 6).

«Грамота великого князя Литовского Витовта к рижскому бургомистру относительно торгового договора», 1399 г.

В архиве хранится оригинал и одновременная копия. Рукописный каталог № 65, издана: Р-ЛА № 122 (по оригиналу), LUB 4, № 1483.

«Грамота великого князя Литовского Витовта о торговле и путях между Полоцком и Ригой», 1399 г., оригинал. Хранится во внутреннем архиве фонд I, капсула 6, № 42. Издана: Р-ЛА № 122; LUB 4, № 1483. (См. фотокопию № 7).

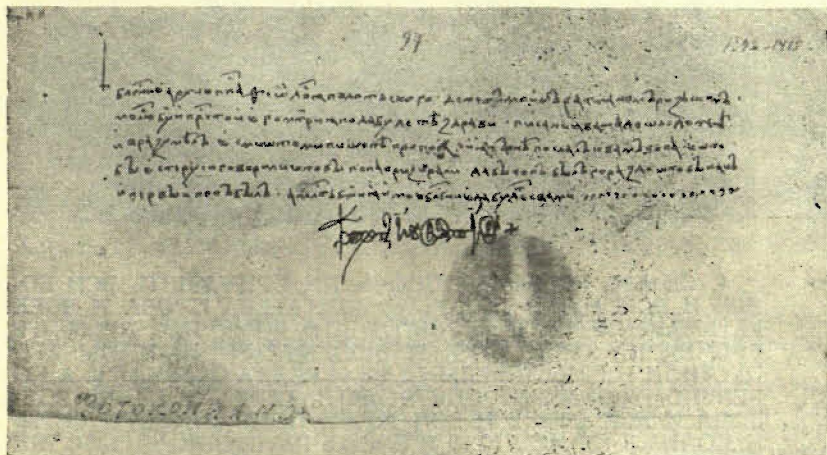
«Грамота от княгини Андреевой ко всем ратманам и ко всем купцам о белке», 14 в., оригинал. Рукописный каталог № 77, печатный каталог № 938, издана: А. Соболевский и С. Пташицкий, Палеографические снимки... № 43-а. С. П. Обнорский, Хрестоматия... , стр. 143.

«Грамота полоцкого епископа Феодосия в Ригу об отправке им священника для Рижской православной церкви», 1392—1415, оригинал. Рукописный каталог РГА № 48, печатный каталог № 939.

Публикации данной грамоты нами не установлено, поэтому помещаем фотокопию и текст с разбивкой на слова.

Грамота содержит 5 неполных строк, написана на бумаге, которая пожелтела и истерлась на сгибах. Особенно плохо сохранилась оборотная сторона грамоты. Чернила имеют бурый цвет. На оборотной стороне грамоты указан по-древнерусски адресат: детемъ моймъ ратманомъ ризьскимъ.

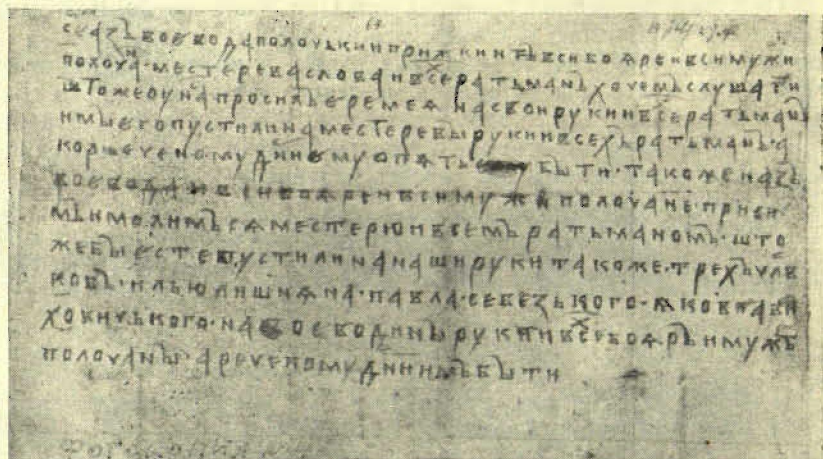
Фотокопия № 8.

3. БЛГНИЕ АРХИЕОПА ФЕОДОСЬЯ ПОЛОТЬСКОГО ДЕ-
ТЕМЪ МОИМЪ РАТМАНОМЪ РИЗЬСКИМЪ МОЛЮСЬ БУ И
ПРЧСТОИ ЕГО МТРИ ЯКО ДА БУДЕТЕ ЗДРАВИ ПИСАНИЯ
ВАША ДОШЛО ДО МЕНЕ И ВРАЗУМЕЛЪ ЕСМИ ШТО МИ ПИ-
ШЕТЕ ПРО ПОПА И Я НЫНЕ ПОСЛАЛЪ К ВАМЪ ПОПА И
ШТО БЫ ЕСТЕ РУСИ ГОВОРИЛИ ШТО БЫ ПОПА ПРИЗИРАЛИ
ДАБЫ ПОПЪ БЫЛЪ ГОРАЗДО ШТО БЫ КАКЪ И ПЕРВЫЙ
ПОПЪ БЫЛЪ А МАТЬ БЖИЯ И МОЕ БЛГНИЕ ДА БУДЕТ
С ВАМИ...

«Грамота воеводы полоцкого Прижкннта к магистру Курляндскому и Рижскому с просьбой отпустить на поруки 3-х человек», II пол. XIV в., оригинал. Рукописный каталог РГА № 66. По имеющимся у нас данным, указанная грамота никем не издавалась. Она содержит II неполных строк. Бумага пожелтела и на сгибах порвалась. Чернила совсем выцвели. Написана грамота очень небрежно: имеются зачеркнутые слова, буквы. Фотокопия № 9.

4. СЕ АЗЪ ВОЕВОДА ПОЛОЧЬКИИ ПРИЖКННТЬ ВСИ БОЯРЕ И ВСИ МУЖИ ПОЛОЧАН. МЕСТЕРЕВА СЛОВА И ВСЕХ РАТЬМАНЪ ХОЧЕМЪ СЛУШАТИ ШТО ЖЕ У НАС ПРСОИЛЬ ЕРЕМЕЯ НА СВОИ РУКИ И ВСЕХ РАТЬМАНЪ И МЫ ЕГО ПУСТИЛИ НА МЕСТЕРЕВЫ РУКИ И ВСЕХ РАТЬМАНЪ. А КО РЕЧЕНОМУ ДНИ ЕМУ ОПЯТЬ БЫТИ. ТАКО ЖЕ И АЗЪ ВОЕВОДА И ВСИ БОЯРЕ И ВСИ МУЖИ ПОЛОЧАНЕ ПРИ СИМЪ И МОЛИМЪ СЯ МЕСТЕРЮ И ВСЕМЪ РАТЫМАНОМЪ ШТО ЖЕ БЫ ЕСТЕ ПУСТИЛИ НА НАШИ РУКИ ТАКО ЖЕ ТРЕХЪ ЧЛВКОВЪ ИЛЮ ЛИШНЯНА. ПАВЛА. СЕБЕЗЬКОГО. ЯКОВА ВИХОВИЧЬКОГО. НА ВОЕВОДИНЫ РУКИ И ВСЕХ БОЯРЪ И МУЖЪ ПОЛОЧАНЫ. А РЕЧЕНОМУ ДНИ ИМЪ БЫТИ

«Грамота наместника полоцкого к ратманам рижским о правности веса», конец XIV в., оригинал.

Рукописный каталог РГА № 68. Мы не располагаем сведениями об издании грамоты. Грамота содержит 24 неполных строчки. Бумага помята, на сгибах и по краям потемнела. Чер-

нила выцвели, лишь в отдельных местах сохранились хорошо.
Фотокопия № 10.

ЗДОРОВАЕТЬ НАМЪ СМЪ. ПОЛОЦКІИИ ЕСТЬ ПОЛОЦКАНО. ПОСАД
НИКОВЪ РИЗЬСКИИ. ЕСТЬ РАТЬМАНЪ. ШТО ЖЕ ПИСАЛИ ЕСТЬ
НАМЪ О ВЕСУ О СОЛОНОМ О ТОМ ВЕСУ МНОГО БЫЛО СЛОВЪ И ПОСЛЫ ВАШИ БЫЛИ У НАС
А ВЕСЫ СОЛОНЬИ ВОСКОВЫИ. СЕРЕБРЕНЬИ ОТЪ ВАС
ПРИШЛИ К НАМ И МЫ НЫНЕ В ТЫИ ВЕСЫ ВЕСИМ А ПРИ-
ВЕЗЛЪ К НАМ ВЕСЫ ИВАНЪ КОЛИНЪ И СОЛОНЬИИ И СЕ-
РЕБРЕНЬИИ А ТОЛЬКО ВАМ НЕ ЛЮБИ ВАШИ ЖЪ ВЕСЫ И
ВЫ ВОЗМИТЕ СВОИ ВЕСЫ А МЫ ВЕСИМЪ ВЪ СВОИ ВЕСЫ
ВЪ СТАРЫИИ А ШТО ИВАНЪ ПРАВИТ ВОСКУ МОМОТОВЪ
УЧЕНИК А ТОТЬ ВОСКЪ ПОИМАЛИ ЧИСТОИ СТОЕ СОФЬИ А
ПОИМАЛ ТОТЬ ВОСКЪ ИВАНЪ МАРКОВЪ УЧЕНИК ДА КОН-
ДРАТ ЕРЕМЕЕВЪ МИКУЛА РОМАНОВЪ У ПОЛИВАЛДА У
ОНДРОНА У СОРОЧЬКОВИЧА А ПЕРЕДЪ НАМЕСНИКИ ПО-
ЛОЦЬКИМИ ПЕРЕД ДОМОНТОМ ПЕРЕД ВАСИЛЬЕМЪ ДМИТ-
РЕЕВИЧ ПЕРЕД ОВДОШЬКОМ ТОЛЬСТОУСОВИЧ ПЕРЕД ТЕ-
ПЕ ПОПРАВЛАН

5. ЗДОРОВАЕТЬ — НАМЕСТНИК, ПОЛОЦЬКІИИ И ВСИ ПО-
ЛОЧАНЕ. ПОСАДЬНИКОВЪ РИЗЬСКИХ И ВСЕХЪ РАТЬМАНЪ
ШТО ЖЕ ПИСАЛИ ЕСТЬ НАМЪ О ВЕСУ О СОЛОНОМ О ТОМ
ВЕСУ МНОГО БЫЛО СЛОВЪ И ПОСЛЫ ВАШИ БЫЛИ У НАС
А ВЕСЫ СОЛОНЬИ ВОСКОВЫИ. СЕРЕБРЕНЬИ ОТЪ ВАС
ПРИШЛИ К НАМ И МЫ НЫНЕ В ТЫИ ВЕСЫ ВЕСИМ А ПРИ-
ВЕЗЛЪ К НАМ ВЕСЫ ИВАНЪ КОЛИНЪ И СОЛОНЬИИ И СЕ-
РЕБРЕНЬИИ А ТОЛЬКО ВАМ НЕ ЛЮБИ ВАШИ ЖЪ ВЕСЫ И
ВЫ ВОЗМИТЕ СВОИ ВЕСЫ А МЫ ВЕСИМЪ ВЪ СВОИ ВЕСЫ
ВЪ СТАРЫИИ А ШТО ИВАНЪ ПРАВИТ ВОСКУ МОМОТОВЪ
УЧЕНИК А ТОТЬ ВОСКЪ ПОИМАЛИ ЧИСТОИ СТОЕ СОФЬИ А
ПОИМАЛ ТОТЬ ВОСКЪ ИВАНЪ МАРКОВЪ УЧЕНИК ДА КОН-
ДРАТ ЕРЕМЕЕВЪ МИКУЛА РОМАНОВЪ У ПОЛИВАЛДА У
ОНДРОНА У СОРОЧЬКОВИЧА А ПЕРЕДЪ НАМЕСНИКИ ПО-
ЛОЦЬКИМИ ПЕРЕД ДОМОНТОМ ПЕРЕД ВАСИЛЬЕМЪ ДМИТ-
РЕЕВИЧ ПЕРЕД ОВДОШЬКОМ ТОЛЬСТОУСОВИЧ ПЕРЕД ТЕ-

РЕШЬКОМ КОСТЯНТИНОВИЧ ОЛЕКСАНДРЪ ЛОБНИЧЪ
БЫЛЪ ЛУКА ПОПОВИЧ КЛИМЯГА МЯСНИКОВИЧ И ИГНАТЬ
НЕМЪЧИНОВИЧ А ВИЛЬНЕВЪЩИ БЫЛИ СЕМЕНЪ ЗОЛОТО-
ВЕРХИИ ТИЛЬКОВЪ СЫНЪ ИВАНЪ А РИЖАНЪ ИВАНЪ
КОЛИНЪ ЕРОФЕИ ФЕДЬКОВЪ БРАТ ЗАХАРЬЯ КУДРЯВЫИ А
И НАШОГО ВОСКУ ВЪЗЯЛИ БЫЛИ 9 КРУГОВЪ И МЫ У НИХ
ВЫИМАЛИ ИЗ УЧАНОВЪ И НЫНЕ ЧАНАМЪ НА ВАСЪ БОЛЕ
ЖАЛОБА ВЪ ВАШИХЪ ВЕСЕХЪ У БЕРЬКОВЪСКА ПОЛУПУДА
НЕТЬ А ВЪ СЕРЕБРЕННЫХЪ ВЕСЕХЪ ПОЛУЗОЛОТЬНИКА ПО
ХРЕСТЬНОМУ ЦОЛОВАНЬЮ ШТО БЫ ЕСТЕ ТО ПОПРАВИЛИ.

М. А. СОКОЛОВА

СИНОНИМЫ В ПАМЯТНИКАХ XVI ВЕКА

(по материалам «Домостроя»)

Вопросам изучения лексики, если иметь в виду памятники письменности, у нас даже и за последнее время посвящено не такое большое количество работ.

Между тем изучение лексических возможностей языка того или иного периода его жизни представляет безоговорочный интерес.

Занимаясь последние годы памятниками деловой письменности XVI века, я уделила значительное внимание лексике этих памятников, особенно показаниям «Домостроя».¹ Его данные были для меня особенно интересными и показательными. Памятник этот резко распадается на две, правда, неравные части: первые 25 глав в связи с их содержанием (это различные поучения и «наказания отцов церкви») написаны «высоким» стилем, а главы, начиная с 26 по 63 включительно, содержанием которых являются самые различные советы ведения хозяйства (как сеять борщ, садить деревья, кроить платья и т. д.) написаны таким языком, в котором ярко отражается живой, сочный и выразительный язык эпохи. 64-ая глава Коншинского списка, очень значительная по объему, написанная безусловно Сильвестром, по своим языковым данным примыкает к главам первой части памятника.

Такое положение давало возможность определить стилистическое использование синонимов, а также выделить при обилии их синонимы нейтральные, употребительные в любом стиле речи, всеми носителями языка и т. д.

---

¹ В основу положены данные списка Коншина. Акад. Л. С. Орлов. «Домострой» по Коншинскому списку и подобным изд. Императорского об-ва истории и древностей российских при Моск. У-те, 1908 г. При наличии расхождений со списком Об-ва (Изд. Забелина в «Чтениях» Императорского Об-ва истории и древностей российский при Моск. У-те, 1881 г., апрель-июнь, кн. 2) его данные отмечаются пометой «Об-ва».

Этими наблюдениями я и хотела бы поделиться в данной статье.

Прежде чем остановиться на описании синонимов в этом памятнике и некоторой их классификации, замечу, что имена существительные (они только и будут учитываться мною в этой работе) представлены в памятнике довольно значительным количеством: их больше 1 $\frac{1}{2}$ тысяч.

Обзор этой лексики с учетом показаний как данных словаря И. И. Срезневского² и картотеки ДРС,³ так и показаний современных нам словарей дал возможность определить жизнь рассматриваемой лексики, а эти наблюдения представляют известный интерес и для нашей темы.

При рассмотрении имен существительных «Домостроя» я делила их на две группы: слова корневые и производные. Количество корневых в том понимании, которое нами принято,⁴ равняется $\frac{2}{3}$ их общего количества.

Приведу те цифры, которые являются действительно объективными показателями долгой жизни слов. Около 70% той лексики, которая определяется нами как корневые существительные, относится к периоду XI—XII в.в., около 10% — к XIII—XIV в.в. и к периоду XV—XVI в.в. — также около 10%. Таким образом, лишь 10% этой лексики не представлено «Материалами» И. И. Срезневского, что, конечно, ни в какой мере не является еще достаточным показателем того, что то или иное слово действительно до XVI в. не было в ходу. Вернее, оно не попало в его «Материалы», так как не встретилось в тех памятниках, которые учитывались составителем словаря.

Не меньший интерес представляют цифры и другого порядка: только 5% этой лексики, объединенной у нас термином корневых имен существительных, не отражено современным языком и не нашло себе места в Толковом словаре под ред. Д. Н. Ушакова.

Следует только оговорить это положение. Приводя сейчас эти цифры, мы не учитываем тех помет, с которыми то или иное слово фигурирует в этом словаре, но самый факт сохранности их, пусть и с пометами: поэтическое, устарелое, истори-

² «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам», I—III т.т.

³ Картотека древнерусского словаря Института русского языка АН СССР.

⁴ Соколова М. А. «К вопросу о корневых словах» (Уч. записки ЛГУ, серия филологических наук, вып. 24, № 198, 1956 года).

ческое, ироническое, шутливое, официальное и т. д., является достаточно выразительным.

С той же целью показать длительность жизни слова приведем данные имен существительных производных.

Эта лексика в той же степени, как и включенная в первую группу, с большой убедительностью иллюстрирует положение о длительной жизни слов.

Так, 82 процента этой лексики отмечено «Материалами» Срезневского, причем 60 процентов восходит к XI—XII векам.

Столь же интересны и показательны цифры в отношении сохранности этой лексики и отражения ее в словарях современного языка: Толковый словарь современного языка под ред. Д. Н. Ушакова сохранил эту лексику на 87 процентов.

Достаточно богатой представляется и синонимика «Домостроя», к рассмотрению которой и следует обратиться. Она свидетельствует и о богатом словотворчестве языка, о богатстве его словарного состава в целом и, наконец, об умелом использовании возможностей, составляющих большую силу и преимущество нашего языка в начальный период становления национального языка.

Под синонимами в данной работе мы будем понимать не только ту лексику, которая, представляя образования от разных корней, имеет тонкие, порою едва уловимые оттенки значений, типа **время** и **пора**, но и такие имена, которые образованы от одного и того же корня, но отличаются своими морфологическими элементами (приставками и суффиксами) или будут иметь различную огласовку корня. Первые мы будем называть синонимами **морфологическими**, вторые — **фонетическими**.

Первая группа должна быть разделена на подгруппы с учетом различных морфологических элементов, их образующих, т. е. это будут образования префиксальные (приставочные) и суффиксальные.

Количественно вторая подгруппа несравненно многочисленнее первой.

Приставочные образования представлены лишь такими парами как **мысль** — **помысль** и **хвала** — **похвала**: и приступят ту лукавии влагающе в **мысль** всякую злобу 17 и лукавии... подвизаютъ **помыслы** на блудъ и на гневъ 17; о добре жене **хвала** мужу и честь 18; ...ему честь воздавай яко от него посланом во отмщение злодеем, в **похвалу** же добродеемъ 7.

Следует отметить, что в «Домострое» нет образований с суффиксом — ение: **хваление** и **похваление**, т. е. тех образований,

которые представлены сугубо церковными текстами XI в. (Миня 1096 г., Гр. Наз. (79, 82) и др.).

Различие в словообразовании, т. е. осложнение корневых имен **мысль** и **хвала** приставкой **по**, не изолирует эти образования друг от друга, не сообщает им новых значений.

Перед нами действительно синонимы, но, мы бы решились сказать, **равнозначные** или **абсолютные**.

Значительно количество морфологических синонимов, образованных при помощи суффиксов.

В этой группе приходится различать с одной стороны такие синонимы, в которые суффикс не вносит даже тонких изменений в основное значение слова, но рядом и стилистически окрашенные.

В первую группу войдут следующие пары: **гордость** и **гордыня**: **востаеь** в чело^{вече}хъ **гордость**, **ненависть**, **злопомнение**, **гневъ**, **вражда**... 22, **ведаешь** самъ что не **богатством** жито с **добрими** людми **правдою** да **ласкою**... а не **гордостью** 69, **уноравиль** и **рукоделиемъ**, и **службою** и **покорением**, а не **гордынею** ни **прекословием** 65.

Зло и **злоба** (оба слова со значением злые поступки и нечто недоброе, плохое), напр.: и **всякого зла** не творите 11, **аще** от сего **зла** **богъ** **соблюдаетъ** 21; ... **лукавии** ... **подвизаютъ** помыслы на **блудъ** и на **гневъ**... и на **всякое зло** 17, и **впередь** **никакова зла** не творити 21, **престаните** от **злюбъ** и **всяких** **душетленных** **дель** 23, **добродетель** **злону** **преодолеват** 68 и **приступяте** ту **лукавии** **влагающе** в **мысль** **всякую злону** и **всякую** **вражду** 17; и не **каемся** о **нихъ** (грехах — М. С.) и не **престаемъ** от **злюбъ** и о (= от — М. С.) **всякихъ** **неподобныхъ** **дель** 23;

Лжа (лъжа) и **ложь**: **погубит** **господь** **вся** **глаголющая** **лжу** 7, ... или кто **кленется**... во **лжу** 22, **гнев**, **вражда**, **обида**, **лжа**, **татья** 22, **храни** себе **ото лжа** и от **похвалы** и от **клеветы** 64; **всегда** **беречися** и от **татбы** и от **блуда** и **лжи** и **клеветы** 12, и **слугъ** **лжи** и **клеветы** не **слушати** 34, ... **жито**... **правдою** да **ласкою** да **любовию**, а не **гордостью** и **безо** **всякия** **лжи** 69.

Пение и **петье** (во всех случаях имеется значение церковного песнопения, и, быть может, **возгласов** **священнослужителей**): а в **церкви** **стояти** на **всяком** **пении** со **страхомъ** 11, а на **словословии** **божии** и на **святомъ** **пении** и **молитве** **свечи** **вжигати** 8, а по **пении** **погашают** (свечи — М. С.) 8; **отнюд** не **погрешити** по **вся** **дни** **церковного** **пения** 11, ... **после** **пения** **отнюд** не **творити** 12, не **погрешихъ** **никогда** же **церковнаго** **пения** 66, **после** **пения** **мужу** з **женою** **советовати** 47; к **церкви** **божии** **всегда** **ходити**... или во **дворе** **петья** **слушати** 20.

Первое образование, свойственное и нашему времени, было основным и ведущим: оно отмечено 7 раз (из них 6 раз в главах первой части и 64 гл. — 8 (дважды), 11 (дважды), 12, 66 и один раз в бытовой его части — 47), в то время как второе (петье) лишь один раз в первой части памятника.

Уста и устие: . . . ино лжицею от иерея приимати во уста 5; удержи язык свой от зла устие свои еже не глаголати лъсти (64 глава).

Царство и царствие: кто потрудится в сем веце царства ради небеснаго 23, рече господь нужно есть царство небесное 24; или не весте яко неправоудницы царствия божия не наследят 12, . . . ни хищницы царствия божия не наследят 12, жизнь вечную наследят въ царствии небеснемъ 19, и будеши сынъ свету и наследникъ небесному царствию 69.

Злопомнение и злопамятство: востаетъ въ чловецехъ гордость, ненависть злопомнение, гневъ, вражда, обида 22; творять . . . и ярость и гневъ и злопамятство 24.

Главоболение и главоболие: многи притчи от того бывают: слепота и глухота . . . и главоболие 37; . . . и глухота и слепота и немота . . . и главоболение 23.

Со значением обобщенного названия одежды имеются два образования: **платье**, имеющее ряд производных — **платенко** 19 и **платейце** 19, 20, а затем его нейтральный и стилистически не окрашенный синоним **платно**: в сундукъ кладуть и платье (= одежду — М. С.) и саженье 14, Кроити или . . . шуба или кафтан . . . или какое платно ни буди 29. Оба образования, кроме обобщенного (родового) понятия одежды, употребляются и в значении данной одежды, данного платья. Ярче всего возможность безразличного употребления любого из этих образований может быть иллюстрирована следующим текстом: в чем делатъ, то платье ветшано, а остряпавши дело ино переменить платно чисто вседневно 35.

Рукодеи и рукоделник: а видель еси самъ в рукодеяхъ и во многихъ во всякихъ вещехъ мастеровъ всякихъ было много 68 . . . и кирпичники и стеныщики и всякие рукоделники 68, по своему обиходу смотря . . . и по своей семье и по мостерицамъ и по рукоделникомъ и своему прожитку 40.

Наконец последняя пара — это **тяжа** и **тяжба**: ни тяжа ни с кемъ не бывала 67 и ни с кем брань и тяжба не бывала 68.

Другая часть морфологических (суффиксальных) синони-

мов представляет бóльший интерес: здесь уже достаточно ярко проявляется стилистическое использование их.

В этой части полагаем возможным выделить следующие группы: **одежа** и **одеяние**. Существительное **одежа** выступает еще в этой чисто русской форме (удоволити его ествою и питиемъ и одежею 26, и о естве и о питии и ѿ одежи . . . промысли 51).

Таким образом, усилившееся книжное влияние не оказало своего воздействия на это образование в его чисто бытовом значении. Но данное образование отмечается лишь второй частью памятника.

Стилистическим вариантом к нему является существительное **одеяние**, употребляемое в том же бытовом значении, но в главах первой части «Домостроя» с ее «высоким» стилем: «не глаголи: много сотворихъ имъ (родителям — М. С.) **одеяниемъ**, и пищею и всякими потребами 16, многообразная **одеяния** преукрашена сотвори мужу своему, и себе, и чадомъ, и домоладцемъ своимъ 18.

На этом основании можно допустить, что **одеяние** было стилистическим синонимом к существительному **одежа**.⁵

Следует отметить наличие еще одного синонима от другого уже корня, но только в евангельском тексте — это слово **риза**: и от взимающаго ти **ризу** и срачицу не возбрани 66. Это тоже синоним стилистический.

Полагаем возможным отметить синонимы для названия пятого дня недели — **пятница** и **пяток**. Первое образование отмечено второй бытовой частью текста (покупать в **пятницу**, в понедельник, в среду 41), а второе тоже один лишь раз в первой части (а неделя (= воскресенье — М. С.) и праздники господские и среду и **пятокъ** в чистоте пребывати 12).

Хорошо зная текст памятника, учитывая некоторое своеобразное использование в нем отдельных слов, мы бы решились утверждать, не взирая на столь единичные показатели употребления этого слова, что более широкое хождение имело существительное **пятница**, а **пяток** уже отживало свой век, было близко

---

⁵ В тексте Домостроя имеется с близким значением слово **наряд** и его уменьшительная форма **нарядец**. Но мы затрудняемся считать его синонимом к словам **одежда** и **одеяние**, т. к. есть основания допускать более широкое значение его, т. е. не только одежда, но, быть может, и какие-то ее части в виде украшений. Материал беден: всего два случая, которые и считаем желательным привести: и рубашки, и убрusy, и ширинки и всякой **наряд** и складши и свертев сложити 36 и а чемъ государь пожалуетъ платьемъ или лошадь и всяким **нарядомъ** или пашенкою или какою торговлею 19.

к исчезновению и, надо думать, было близко к тому, чтобы его можно было считать архаизмом, который обречен был на постепенное исчезновение, а укреплялось в живой стихии то образование, которое стало единственной нормой нашего времени, т. е. **пятница**, хотя словарь Ушакова и отмечает существительное **пяток** в 3-м значении — дня недели, с пометой устарелое (1 1094). Во всяком случае употребление слова **пяток** в 1 части «Домостроя» и существительного **пятница** во второй не является простой случайностью.

Таким образом, слово **пяток** как синоним существительного **пятница** становилось архаизмом.

Учитывая материалы словарей, мы можем предполагать наличие этих двух синонимов для названия пятого дня недели (**пяток** и **пятница**) в далеком прошлом: об этом свидетельствуют показания словаря Миклошича (стр. 764), где и **пяток**, и **пятница** отмечаются в одинаковых контекстах и сочетаниях — **великий пяток**, **святой пяток** и **великая пятница**, **святая пятница**.

Полагаем, что большая широта употребления образования **пятница** в живой стихии языка получает подкрепление из данных, отмеченных Далем (III³ 1458), который, приводя оба наименования, сопровождает их очень большим количеством пословиц и шутливых выражений (После **пятницы** в четверг; Приходи в **пятницу** похлевать кашицы; Вторник да **пятница** — легкие дни; На неделе семь **пятниц** и т. д.), из которых только в одном примере фигурирует существительное **пяток** (В **пяток** курицу на яйца не сажают), все же остальные случаи падают на примеры с **пятница**.

Полагаем, что победе, одержанной существительным **пятница**, способствовало употребление слова **пяток** в числовом значении: это не только пятый день недели, но и собирательное числительное (**пяток**, **десяток**).

Несколько иная картина рисуется при обозрении синонимов не морфологических, а фонетических, т. е. тех, где от одного и того же корня имеются образования с различной его огласовкой: своей, исконно русской и книжной, старославянской. Одни из них уже и в этот период умело используются как стилистические варианты. В «Домострое» мы имеем право говорить о четырех таких парах.

1. **Мороз** — **мраз**. Существительное **мороз**, встречающееся в тексте всего два раза, выступает в двух возможных фонетических вариантах, т. е. **мороз** и **мраз**.

Если учесть контекст, в котором используется каждый из

них, то можно без натяжек сделать вывод о том, что русская огласовка **мороз** была формой живой разговорной речи (всякие семена и всякое обилие в пору поливати и укрывати и от **мороза** всегда беречи 45), а вторая уже и в этот период жизни языка, не получив, конечно, никакого особого значения была лишь стилистическим вариантом для основной живой и исконной формы: наводить (бог — М. С.) грех ради наших овогда гладь, ово морь, ово пожарь... и зима негодна и лютые мразы 22.

2. Существительное **ночь** в плане своих значений не вызывает никаких замечаний, но оно имеет свой стилистический вариант **нощь**.

В первой огласовке, т. е. в виде **ночь**, слово встречается четыре раза (44, 45, 52) в главах, написанных простым разговорным языком и в соответствующем контексте:

а ворота всегда приперты, а к **ночи** замкнуты 44, а сам государь и государыня послушивают **ночи** 45; а огородь всегда бы был замкнуть да кому приказано тот бы его всегда берегь и день и **ночь** 45; а по всемь службамь ходити вечера и в **ночи** и утра 54.

Форма же **нощь** отмечена лишь в 20-й главе «Похвала женам», выделяющейся даже из числа глав первой части «Домостроя» своим сугубо книжным характером, сказывающимся в выборе (вольном или невольном) соответствующей лексики: и встает из **нощи** и дасть брашно дому и дело рабынямь 17.

3. Как антоним **болезни** в тексте употребляется существительное **здоровье** и его стилистический вариант **здравие**. Использование этих двух образований, выступающих как в полногласной форме, так и неполногласной, как с суффиксальным элементом **И**, так и с **Ь**, действительно стилистически обусловлено.

В главах 9, 12, 23 (дважды) и 64 (дважды) употребляется только форма **здравие**.

Так, читаем: и за **здравие** и за упокои 8; и греха избудеть и **здравие** получить душевное и телесное 21; и подасть телесемь **здравие** и душам спасение 23; молитися о царицине и чадах их **здрави** 11; молитися о **здравии** 63; приходи с милостынею и с приношениемь за **здравие** 63.

Эти формы понятны в соответствующих главах, тем более что в большей части они входили как бы в устойчивые сочетания. Они не нуждаются ни в толкованиях, ни в разъяснениях. Они гармонически вытекают из содержания. Относительная

устойчивость этих сочетаний обусловила и сохранность данного образования.

Рядом, в бытовом контексте употребляется живая разговорная форма **здоровье**.

В главе 36 «Женамъ наказъ о пьянстве и о пьяномъ питии» читаем: аще придуть отколе жены о **здоровьи** спросить, тем пития пьяного не давати 34.

4. Существительное **голова** (41⁴, 15²³) со значением головы животного (у нас нет иного материала для нее) имеет, и это естественно, лишь полногласную, т. е. живую форму языка.

Два раза как стилистический вариант полногласной формы употреблена неполногласная форма **глава** со значением головы человека.⁶ Употребление этой формы диктуется, конечно, не различиями значений (голова животного, глава человека), а другими фактами.

Первый случай ее употребления имеет место в устойчивом сочетании, на котором лежит достаточно яркий налет книжности: мы имеем в виду изречение:

Поклонны **главы** меч не сечет, а покорно слово кость ломит 38₁₂.

Второй раз оно отмечено только в списке Об-ва при перечне болезней (и **глава**, и щоки, и ноги, и руки закорчены 24₁₉). Соответствующие строки отсутствуют в списке Коншина и других списках этой редакции.

Кроме того, неполногласная форма этого имени выступает в сложных образованиях — **главоболие**, **гловоболение**.

В сложных образованиях неполногласные формы особенно удобны, и эта возникшая в прошлом особенность языка сохраняется и в наши дни (Ленинград и т. д.).

До некоторой степени своеобразно выглядят такие образования как **деревие**, где полногласная форма наличествует в существительном с собирательным значением (а как будет густо ст ветья **по(д) деревием** не растет ништо . . . 43) и **древо** (а сад развадити про себя ино прививка **от древа до древа** по три сажени и больши (45)).

В этом случае нет оснований говорить о стилистической окрашенности неполногласной формы: оба образования в одной главе, сугубо бытового содержания. Делать же предположения другого характера за единичностью материала не следует.

⁶ О существовании в тексте омонима **глава** как раздел книги — нет оснований говорить в данной статье.

Во вторую группу включаем синонимы, представляющие образования от разных корней. Их в памятнике тоже значительное количество, переходим к их обзору.

1. **Время и пора.** Существительное **время** имеет не общее отвлеченное значение, а во всех случаях обозначает какой-то определенный конкретный отрезок его. В этом отношении по своему значению оно приближается к существительному **пора**. В силу именно этого обстоятельства почти во всех случаях оно имеет соответствующее уточняющее и ограничивающее его определение: **в подсобно время** 12, 22, 25, **злое время**, т. е. плохое, трудное (в злое время никто ему не поможет 26), или **до сего времени** 66, 68.

Даже в тех случаях, когда данное существительное не имеет определения, оно и без него осознается именно в значении периода, желательного и удобного для того или иного действия, например:

А то все лете в лед засекаати, а мясо **по времени** (т. е. время от времени, в удобные и подходящие для этого периоды — М. С.) вывешивати 60.

Существительное **пора** выступает как синоним существительного **время**. Если учесть контексты, в которых данное слово встречается (в ту **пору** все покупать 14; Ино в ту **пору** носа не копать перстом 34; а в ту **пору** купи 40; а коли чево изобилно запасено в дешевую **пору**, ино в дороговлю и продать 44; и всякой овощь в **пору** бы обирати 45), то можно предполагать, что существительное **время**, хотя и входило в основной словарный фонд языка, но в сугубо бытовых высказываниях обычно употреблялось существительное **пора**. Если мы обратимся к употреблению этих двух близких по своему значению понятий как **время** и **пора** в современном нам языке (см. Словарь Ушакова III 598), то убедимся в том, что подобная дифференциация их использования имеет место и в наше время. Следовательно, преимущественное употребление слова **пора** в разговорной речи уже отчетливо намечалось и XVI веком. Этим объясняется и большое количество образований наречного характера и широкое употребление имени во фразеологических сращениях: порой, на первых порах, в ту пору, до сих пор, до тех пор и т. д.

2. Понятие периода жизни человека выражается при помощи следующих синонимов: **живот**, **жизнь**, **житие** и **век**. Контексты, в которых эти синонимы встречаются, позволяют с из-

вестной долей уверенности сделать вывод о том, что существительные **живот** и **житие** своим содержанием имели значение реального существования человека на земле, напр.: и плодовъ от таковыхъ неприятна богу милостыня ни при **животе**, ни по смерти 25, о бозе соверши християньски окончати **животь** свои 67, а законной бракъ... храни до коньчины **живота** своего 67; и советовати с нимъ часто о **житии** полезномъ 13, о праведномъ **житии** 25, беседа бы была о рукодельи и о домашней порядне и о законномъ християнскомъ **житии** 64, Видел еси, чадо, како в **житии** семъ жихомъ 65.

Существительное **жизнь**, принадлежа более высокому стилю, содержанием своим имело главным образом религиозно-отвлеченное значение — это существование за гробом: **жизнь** будущего века 5, **жизнь** вечная 7 и т. д. (16, 19, 25, 51, 64, 65 и 68).

Между тем существительное **живот** лишь один раз в евангельском тексте имеет значение религиозного понятия — загробной жизни, а не реального существования на земле: ускии и прискорбный путь вводяи в **животь**, а широкий и просторный вводяи в пагубу 23.

Существительное же **жизнь** также лишь один раз использовано в значении реальной жизни: и он вкупе со всеми в благоденстве и по бозе **жизнь** свою препроводить и милость божию получить 38. Но здесь выбор этого синонима, быть может, был продиктован контекстом.

В значении религиозно-отвлеченном существительные **живот** и **жизнь** в тексте «Домостроя» относятся как 1 : 9. Такие показатели и дают возможность делать предположение о книжном характере существительного **жизнь** для рассматриваемого периода.

Третий синоним **житие** — выступает только в значении реальной жизни: и советовати с нимъ часто о **житии** полезномъ 13, ... о праведномъ **житии** 25, ... ино то **житие** и от людеи похвално 26, беседа бы была о рукодельи и о домашней порядне и о законном християнскомъ **житии** 64, Видел еси, чадо, како в **житии** семъ жихомъ 65 и т. д.

Слова **житие** и **живот** были многозначны. Кроме рассмотренного значения, они выступают в значении — имущество, материальные возможности, определяющие уклад жизни (см. стр. 22). Наконец, четвертый синоним — это существительное **век**: и онъ самъ погубленъ и в сем **вече** и в будущемъ 38, аще кто потрудится в сем **вече**... 23, памятуи, чадо, како мы жихомъ **векъ** 64.

Это слово имеет и второе значение: **конец**, всегда, на долгие

времена: тот домъ будетъ благословенъ отныне и до века (= до конца — М. С.) 15 и 21, дружба в векъ (= навсегда, надолго — М. С.) 68 (дважды).

Итак, существительные **житие**, **живот** и **век** были многозначны. Это и явилось причиной, в силу которой в значении времени от рождения до смерти живого существа закрепилось и установилось слово **жизнь**, которое из книжного языка перешло во всеобщее употребление. Существительное **живот**, получив основное значение — часть организма (человека и животных), в которой расположены органы пищеварения, отмечается современными словарями и в прежних значениях (**жизнь** и имущество) с пометами «устар.».⁷

Существительное **житье** и в наши дни является синонимом к слову **жизнь** и несет на себе элемент сниженного стиля (разговорного). Что же касается его звукового варианта **житие**, то его основным значением стало — **жизнеописание** (обычно святого), в словарях оно сопровождается пометой «устар.».⁸

Существительное **век**, усвоив основное значение — период времени в 100 лет, сохраняет и остальные — это продолжительность жизни, вообще какой-то период времени, наконец и очень долгий срок.⁹

3. Для названия детей, малолетних членов семьи, существует три слова: **дети**, **чада** и **робята**.

Существительное **дети** употребляется прежде всего со значением детей как малолетних членов семьи:

Како **детей** своихъ воспитати, во всякомъ наказании и страхе божии 13, А **дети** аще не бегомы будутъ в ненаказании отцевъ и матерей аще что согрешать или что сотворять и отцемъ матеремъ з **детми** от бога грехъ 13 и т. д.

Затем это же существительное употребляется уже со значением «детей духовных» в текстах церковного характера (подобае ведати се: како чтити дем (= детям — М. С.) отцевъ своихъ духовныхъ 12).

Рядом с существительным **дети** в первом и основном его значении широко употребляется существительное **чадо**. Употребление его более чем в два раза превышает употребление слова

⁷ «Словарь современного русского литературного языка АН СССР, т. 4 1955 г. стр. 120 и след.

⁸ Там же, стр. 166.

⁹ См. там же, т. 2, 1951 г. стр. 125 и след.

дети, но несмотря на это на нем лежит достаточно яркий налет книжности.

Показательно также, что это существительное только один раз использовано второй центральной частью «Домостроя», да и то в соответствующем контексте:

о них бога ради промышляти и попечение имети, елико вмести́мо, сколко богъ поможе от всея душа, яко о своих чадахъ 51.

Оно преобладает в первой части памятника, и им насыщена 64 глава Коншинского списка, где слово использовано около 30 раз.

Итак, существительное **чадо**, если мы даже учтем значительный поток его производных, подавляющее большинство которых ярко свидетельствует о книжном происхождении их (чадолюбие, чадолюбив, чадолюбьць, чадолюбница, чадолюбьзнъ, чадолюбьнь, чадолюбьство, исчадие и т. д.,¹⁰ за исключением одного образования — домочадец-домочадцы, являлось и для периода XVI в., а также, видимо, и для предшествующих ему словом книжным.

Вот почему существительное **дети**, также обладающее большим количеством производных, являлось и для исследуемой нами эпохи нейтральным, одинаково употребительным во всех стилях речи и всеми носителями русского языка, чего нельзя сказать о существительном **чадо**, которое, без сомнения, уже и в период XVI в. являлось стилистическим вариантом первого.

В этом отношении интересен и третий лексический синоним для обозначения детей, не достигших еще определенного возраста — это **робята**. Слово это употребляется в «Домострое» только в отношении детей лиц, принадлежащих к низшей социальной группе, но не в отношении детей феодала («государя» — М. С.).

Об этом свидетельствуют тексты:

А государи бы . . . людей своих мужей и женъ и робятъ и всякихъ слуг жаловали 20;

А у женъ у челядиныхъ и у девокъ и у робятъ по тому же (имеется в виду питание — М. С.) 50;

А на воду бы лошади водити брежно робята бы на нихъ не гоняли 54.

¹⁰ См. «Материалы» Срезневского.

Таким образом, для детей как младших членов семьи употребляются в нашем тексте три лексических варианта (дети, чада, робята), из которых первый является как бы нейтральным, а остальные два в какой-то мере социально окрашенными.

4. Для обозначения родственников, родни в тексте фигурируют два наименования: **племя** и **сродник**. Первое существительное со значением родни отмечено в бытовом контексте памятника:

а у подругъ и у **племяни** потаи мужа своего питья и есты
... не просить 34.

Слово это отмечено в «Материалах» Срезневского большим количеством случаев, в которых имеется и наше значение (II 959).

Достаточно значителен материал картотеки ДРС, например:

Почему она ей **племя** и чья дочь и какова удельного князя (Пам. дипл. сношений Моск. госуд. II 1581 г., стр. 5);

А в тотъ мой дворъ жене моеи и детемъ моимъ и братьи и моему роду и **племяни** не вступатца. (Архив Строева I 1580, стр. 577);

Племя у него в ямщиках... ево поставилъ в ямщики дядя ево нижегородской ямской охотник. Закл. 148 (Акты о посадских людях закладчиках. СПб 1909. Летопись занятий Археогр. Комиссии, вып. XVII);

Василей Осипов сын Яков Шуйскому по жене **племя**. (Акты истор., т. II 1610 г. 367 стр. Археогр. Ком. СПб 1841 г.).

Используется этот термин родства и в таком тексте, как «Повесть о Горе и Злочастии» (Глупыя на тя не подумали, да не сняли бы с тебя драгих порт, не доспели бы тебе позорства и стыда великаго и **племяни** укору¹¹), что также свидетельствует о принадлежности слова живой стихии языка.

Рядом с ним в том же значении в 1-й части «Домостроя» употребляется существительное **сродник** (жене молитися о своемъ согрешении и о мужи, и о чадахъ и о домочадцахъ и о **сродникахъ** и о отцехъ духовныхъ II).

Термин этот также отмечается «Материалами» Срезневского (III 815) с XI в., но количество случаев употребления его, если судить по иллюстративному материалу Срезневского, ме-

¹¹ Сб. отд. Р. яз. и слов. Имп. А. Наук, т. 83, 1907, стр. 30.

нее значительно; к тому же употребление этого термина по преимуществу отмечается в памятниках церковного характера, что и дает нам основания, учитывая показания и нашего текста, полагать оба эти термина (**племя** со значением родни и **сродник**) стилистическими вариантами, существующими в XVI в.

5. Из общих названий еды употребляется ряд существительных: **брашно**, **снет**, **ядь**, **ядение**, **пища** и очень широко **ества**. Таким образом, имеется значительный ряд синонимов, но существительное **брашно**, употребленное рядом с существительным **ества**, как будто дает возможность присвоить ему тот оттенок, который отмечается Срезневским (I 176) — а именно: лучшая еда, лучшее кушанье, — в противном случае нахождение их в одном предложении было бы непонятно:

и аще предъ кого поставляеши **еств** или питье и всякое **брашно** или предъ тебя поставять всякого брашна 10.

Конечно, надо допустить и более общее значение этого слова, т. е. значение всякой еды, еды вообще (см. ниже 10/33), т. е. то значение, которое оно имеет в «Почуении» Владимира Мономаха и что отмечается исследованием Л. П. Якубинского.¹²

Из этих шести наименований четыре, т. е. **брашно**, **ядь**, **ядение** и **пища** встретились только в первой части памятника:

Но подобаеть даръ божии всякое **брашно** похваляти 10/33;
Егда на трапезе предпоставять ти многоразличныя **яди** и **пития** 9;

Много сотвори хъ им добра: одеянием и **пищею** и всякими потребами 16;

ранного **пития** и **ядения** и позного после пения отнюд не творити 12.

Существительное **снет** употреблено один раз второй частью «Домостроя» (и каши и яглы и всякой **снет**, всяких **ествъ** постных 43). Общеупотребительным же словом, одинаково возможным для любого текста, было существительное **ества**.

При обобщенном характере, присущем данному существительному, оно в отдельных случаях нуждалось в пояснениях и сопровождалось рядом определений: **ества** запасная (49), **ества** мясная и всякая (48), **ества** вареная (52).

¹² Ученые записки ЛГУ, Серия филологическая, вып. 14, № 97, 1949 г., стр. 19.

В нашем тексте оно встретилось около 70 раз. Таким образом, в период XVI в. для обозначения еды **ества** было словом основным, в то время как остальные являлись его вариантами.

Современное же образование — **еда** еще не имеет места ни в нашем тексте, ни в «Материалах» Срезневского.

6. Имущество, материальные возможности, определяющие уклад жизни, т. е. все то, что давало средства к жизни, выражаются в «Домострое» рядом понятий — это **житие**¹³ («аще кто не разсудя себя и не сметя своего **жития** и промысла и добытка... 26), **живот** (како жити человеку сметя свои **живот** 25; по смерти дѣтем поминок и наделок... дворъ со всем запасом... или деревня со всяким **животомъ** 60).¹⁴

Со значением возможности исключительно материального порядка употребляется еще существительное **сила** (**жити по силе** и по промыслу и по добытку 26; и милостыню по **силе**... подавая 9; то же 26).

Наконец, так же, как и первые два слова, во всех частях памятника встречается еще существительное **имение**:

принеси даръ своя к богу от праведного своего **имения** 9;
овогда от црска гнева разграбление **имению** 22;

Всякому человеку богату и убогу, велику и малу разсудити себя и сметити по промыслу и по добытку и по своему **имению**, а приказному человеку сметя себя по государскому жалованью 26;

аще кто... учнет на люди глядя жити не по силе и займаю или неправеднымъ **имениемъ** и та часть будетъ с великим бесчестиемъ 26;

и ты, чадо, блюдиися неправедного **имения** 62;

и домъ пусть, **имению** тщета и от бога не помилованъ будетъ 67.

С тем же значением, но лишь в первой части и 64 главе употребляется **стяжание**, например:

А кто не по бозе живеть... или ограбить или покрадеть... или в работу неповинны лукавствомъ или насилемъ охолопить... или лошадь или всякую животину и всякое **стяжание** и села или винограды или дворы и всякое угодие силою отиметь 24;

¹³ Существительное имеет и другое значение, см. стр. 32.

¹⁴ В данном контексте существительное **живот** может означать не только такое широкое понятие, как имущество, но оно может обозначать и живность, животных. См. «Материалы» Срезневского.

а от бога не помилованъ . . . а своеи души на погибель а дому тщета и все проклятое а не благословеное и носити и ясти, и пити, то все **стяжание** и плоди не божиин но бесовские 24;

и таковъ дворъ себе держати и всякое **стяжание** и всякий запасъ по тому и люди держати 26;

а к богу приятна милостыня от праведнаго **стяжания** и от добрыхъ делъ 9;

аще не обратятся . . . всякои святыни потреблени и всякому **стяжанию** расхищение 22;

То же 25, 62.

Существительное **стяжание**, принадлежа общему составу языка и в период XVI в., употреблялось преимущественно в языке книжном. Как книжное и риторическое его отмечает и Толковый словарь Ушакова (IV 574).

Существительное **сила** и в этом своем значении принадлежало основному словарному фонду, о чем свидетельствует и широкое употребление его с этим значением в памятниках (см. картотеку ДРС) и сохранение в современном языке (Ушаков IV 177).

Что касается существительного **житие** в значении имущества, то мы считали бы возможным полагать его в этом значении для XVI в. словом широко употребительным.

Без колебания в группу стилистически окрашенных следует отнести слова: **гобина**, **изобилие** и **обилие**, из которых **обилие** было нейтральным, а остальные, видимо, принадлежали «высокому» стилю.

и подасть богъ богатую милость и **гобину** плодомъ и всякого **изобилия** умножить 25;

и гряды всякое **обилие** полоти 45;

и в сушилахъ всякого **обилия** пересматривати 60.

7. Рядом с **уста** и **устие** (см. стр. 27) имеется в четком бытовом контексте и слово **губы**: **губами** и ртом не чавкати 5, а **губами** не плюскати 6; . . . потрохи, голова, уши **губы** скороньи и мозгъ . . . 4.

Хотелось бы привести еще некоторое количество таких пар, которые хотя и не являются синонимами в полном смысле слова, т. к. нет оснований видеть в них ни каких-либо оттенков значений, ни стилистической окрашенности. Это синонимы — однозначные. Но и они для нас представляют интерес, т. к.

свидетельствуют о богатых возможностях языка рассматриваемого периода.

1) Это будут слова — **животина** и **скот**:

... и како запасати в годъ и дома **животина** водити всякая... 40;

А **животине** и собакамъ и куромъ на то свои суды держати 54;

... и помывки судовые и горшечные и котельные и всякие ествы и пригарины — все **животине** копят, **животин(а)** тем сыта бываетъ 55 и т. д.

Можно было бы говорить о значительной распространенности именно этого способа обозначения домашнего скота, основываясь на показаниях нашего текста. Слово это отмечается «Материалами» Срезневского в списках сравнительно поздних (I 866), что, конечно, не может быть бесспорным показателем отсутствия его в период более ранних.

О той же употребительности его свидетельствуют материалы пословиц:

Обреченная скотина не **животина**;

Вольная (чужая) скотина не **животина**.

Затем, со значением уже живого существа вообще такая пословица, как: Спереди картина, сзади **животина** (См. Даль I, стр. 556 изд. 1880 г.).

О том же свидетельствует употребление этой формы у Гоголя: «Ваша собственная **животина** утащила очень важную казенную бумагу» (Уш. I 867).

Если в Толковом словаре под ред. Д. Н. Ушакова данное слово стоит с пометой — «просторечное» и это определение может быть безоговорочно принято для современного языка, то другая помета — «областное» как будто не находит себе подтверждения ни в фактах прошлого («Материалы» Срезневского и Картотека ДРС), ни в данных современного языка.

Как синоним к существительному **животина** выступает существительное **скот**, встретившееся всего один раз и, быть может, не случайно с определением **животный**, т. е. в словосочетании **животный скот**: «наводитъ (бог — М. С.) грехъ ради нашихъ... и всякому **животному скоту** (= домашнему скоту — М. С.) и зверемъ и птицамъ и рыбамъ и всякому обилию скудость» 23₁.

Не является ли данное сочетание следствием былой двузначности этого слова, т. е. с одной стороны значение **скота** (Рус-

ская Правда Пр. 38, 41, 42, 45, 99) и значение денег (там же Кр. 15, 16, 18 и Пр. 47).

В таком случае данное сочетание могло вырасти как уточнение: оно исключало возможность неправильного понимания, возможность недоразумений. Потеря значения денежной единицы и способствовала закреплению за словом **скот** нашего значения.

2. Мыльня — баня.

Совершенно очевидно, что **мыльня** существовала рядом с существительным **баня**, т. е. словом общим большинству славянских языков, как его равноценный синоним.

Существительное **баня** в прошлой жизни языка было многозначно: это и строение, и помещение для мытья, это и крещение (омывъ банею Святаго Духа — Жит. Леонт. Рост. XVI в. 316 стр.¹⁵), и горячие источники, и купол у церкви, и особый глиняный сосуд.

Есть основания полагать, что **мыльня**, возникнув как слово диалектное, получало в определенный период жизни языка достаточно широкое распространение. Слово было общепонятным, но в последующий период жизни языка не получило общего признания.

3. Душа и сердце.

Существительное **сердце**, помимо основного значения внутреннего центрального органа животных организмов, выступает и с отвлеченным значением — помыслов, дум, духовной сущности человека:

князю своему прияите всемъ **сердцем** 7; и техъ делания написуи в **сердцы** своем 8; с рыданиемъ и сокрушеннымъ **сердцемъ** 7;

и с рыданием и с сокрушенным **сердцем** исповедаеся просяще отпущения грехомъ 8 и т. д.

В том же значении употребляется в нашем тексте существительное **душа** в сочетаниях **от всея душа** 25, 28, 51.

Сочетание это, отраженное нашим текстом XVI в., уходит в далекое прошлое. В договоре 912 г. читаем: да любим друг друга от всея душа. Оно перекликается с современным нам, эмоционально окрашенным выражением **от всей души**. Длительная жизнь этого сочетания заслуживает внимания.

¹⁵ См. картотеку ДРС и «Материалы» Срезневского.

4. Вероятно, есть основания полагать синонимами такие пары, как **гнев** и **гроза**:

положи на них (дочерей — М. С.) **грозу** свою 15;
восстаетъ в человецехъ **гордость** **ненависть**... **гневъ**,
вражда 22; то же 24;
от царска **гнева** **разграбление** имению 22;
а **гневъ бы** не **былъ** 38.

5. **Горе** и **печаль**:

О **горе** деющимъ **таковая** 10;
И в дни **печали** **избавить** их **господь богъ** 16.

6. **Брань** и **ссора**:

брань и **побои** и **гневъ** **никако же бы** не **было** 38;
и **гостья** **пьяново** **беречи** **чтобы** не **истерялъ** **чево** и **брань**
бы не **была** 49;
А на **дороге** и в **пиру** и в **торговле** **отнюд** **самъ брани** не
зачни 68;
а по **людцкой** **ссоре**... **без** **обыску** **без** **прямого** **брань** и
побои и **гневъ** **никако же бы** не **были** 38.

7. Со значением возможного предела, конца чего-то используются три слова: **век**, **конец** и **кончина**:

Тотъ **домъ** **будет** **благословененъ** **отныне** и до **века** 15, 21;
И на **правеже** и в **дому** до **конца** **обнищает** 59;
И **законной** **бракъ**... **храни** до **коньчины** **живота** **своего** 67.

8. Без стилистической окраски как синонимы выступают существительные **дело** и **работа**:

женамъ и **девкам** **дело** **указати** 27;
... или **ткати**... или **шелковое** **пяличное** **дело**... 28;
... или **ленитца** **ино** по **вине** и по **делу** **смотря**... **наказати**
57;
женамъ и **девкамъ** **дело** **указати** **дневное** **всякому** **рукоде-**
лию **что** **работы** **дневная** **ества** **варити**, и **которой** **хлебы**
печи 27;
... **ино** **скорая** **женитва** **видомая** **работа** 14.

Заканчивая данную статью, хотелось бы сказать, что изучение лексики памятников XVI века дало нам возможность лиш-

ний раз убедиться в том, что лексические возможности языка той эпохи были богатыми и разнообразными.

Благоприятное впечатление осталось и от того, как умело и творчески разумно использовались эти возможности людьми той далекой уже для нас эпохи.

Совершенно очевидно, что русский язык XVI века уже таил в себе те ценнейшие качества и богатства, с помощью которых и осуществлялось в дальнейшем становление нашего национального языка, одного из богатейших и мощных языков мира.

Т. Ф. МУРНИКОВА.

РУССКИЕ ГОВОРЫ В ЭСТОНИИ

Учитывая новые административные границы, проведенные уже после окончания Великой Отечественной войны, русские поселения на территории Советской Эстонии с точки зрения языковых, диалектных особенностей речи жителей этих мест можно разбить на две основные группы:

1. **русские деревни Причудья**, расположенные по западному и отчасти северному побережью Чудского озера (Пейпсиярве);
2. **русские деревни Принаровья**, тянущиеся вдоль берега реки Нарвы, начиная с расположенной в истоке этой реки древней русской крепости Сыренец (эст. Vasknarva).

Вне границ Советской Эстонии в настоящее время находится та группа исконных русских говоров, носители которых в буржуазное эстонское время назывались *печерянами*. Мы знаем, что в основу советского административного деления положен принцип национальной принадлежности *большинства* жителей того или иного населенного пункта, и поэтому вполне естественно, что исконные псковские деревни вокруг города Печер, заселенные в основном русскими, были в советское время вновь воссоединены с Псковщиной и отошли к Псковской области. На территории Эстонии из этой группы русских деревень остались лишь два небольших населенных пункта, а именно деревни Любница и Березье. Они расположены среди поселений сету на территории Вастселийнаского и Ряпинского районов и имеют несколько отличную от других печерских деревень судьбу.

Как на территории Причудья и Принаровья, так и в деревнях, расположенных вокруг отошедшего к Псковской области города Печер мы имеем дело с сохранившимися до нашего времени весьма своеобразными и самобытными русскими говорами, полная и всесторонняя характеристика и описание которых возможны лишь при изучении истории местного края и эстонско-

русских культурных, исторических и политических взаимоотношений и взаимосвязей.

Известно, что к началу XIII века территория Эстонии была уже более или менее равномерно заселена эстами (чудью). Незаселенными или слабо заселенными к этому времени оставались лишь мало пригодные для жилья болотистые местности в бассейне реки Пярну и на побережье озер Пейпсиярве и Выртсьярве. С юга соседями эстов в это время были ливы и латгалы, а с востока и юго-востока жители древнего Новгородского княжества, в состав которого входила как Псковская земля, так и расположенная по ту сторону реки Нарвы так называемая Водская пятина. Известно вместе с тем, что между эстами и русскими к этому времени, т. е. к XII, XIII в.в., установились тесные экономические и культурные связи, особенно заметно укрепившие за время существования Киевского государства.

Для полного и всестороннего освещения русско-эстонских взаимоотношений как в этническом, так и культурно-политическом отношении весьма важно установить, **когда и где славяне впервые соприкоснулись с прибалтийско-финскими племенами**, к которым относятся также и предки современных эстонцев. До самого последнего времени большинство ученых предполагало, что непосредственный контакт следует относить примерно к IV—V векам н. э., когда соседние с эстонской территорией псковские и новгородские земли были заселены продвигавшимися с Поднепровья восточнославянскими племенами кривичей и словен. Только благодаря археологическим находкам последних лет советским ученым удалось с полной неопровержимостью доказать, что эстонские племена уже до новой эры соприкасались с так называемыми лужицкими племенами, чем только и можно объяснить наличие в эстонском языке весьма древних славянских заимствований типа *sirp* сѣрпъ, *turg* тѣргъ, *sahk* соха и др. Это хронологически первое и древнейшее соприкосновение с одной из ветвей западных славян, носивших название **вендов или венедов**, нашло отражение и в самом названии русских эстонцами и другими представителями прибалтийско-финской группы финноугорских языков — они называют их «венед», «венеласед» (эст. *venelased*).

Несомненно, что начавшиеся еще до нашей эры связи сохранялись и в дальнейшем, но, как утверждает проф. Х. Моора, для истории русско-эстонских взаимоотношений особенно важное значение имеет непосредственный контакт с осевшими в середине прошлого тысячелетия на границе Прибалтики кривичами и словенами. В результате непосредственного территори-

ального соседства на территории Эстонии образуются весьма любопытные в этническом и языковом отношении участки смешанного русско-эстонского населения. Так, например, на юго-востоке Эстонии с давних пор сложилось такое своеобразное контактное звено, как население *сету* (эст. *setu*), заселяющее частично также и современную Псковскую область РСФСР (раньше их называли «печерскими полуверцами»).

К более позднему времени, примерно к XI веку, г. е. к периоду расцвета Великого Новгорода, относится формирование второй этнической смешанной группы на территории Эстонии, а именно образование контактного русско-эстонского участка к северу и северо-востоку от Чудского озера. На этот участок постепенно сползало соседнее русско-водско-ижорское население, которое смешивалось здесь с коренными эстонскими жителями. В дальнейшем, в результате более поздних наслоений, на этой территории, носившей название Алутагузе, образовалась своеобразная этническая группа так называемых «ийзакских полуверцев». Термин «полуверцы» объясняется тем, что в процессе происходившей в этом районе этнической ассимиляции русские переселенцы не только эстонизировались, но и переходили в лютеранство. В связи с этим употреблялось даже весьма любопытное эстонское выражение, которое в переводе на русский язык означало «перекреститься в эстонцев» («ristisid end eestlasteks»). Религиозные обычаи и традиции таких «перекрестившихся в лютеранство» православных во многом напоминали православные церковные обычаи и традиции, чем и объясняется, по-видимому, само название местных жителей этого края («полуверцы»).

Изучение территорий славяно-финского смешения представляет собою задачу чрезвычайно интересную как в этнографическом, историческом, так и лингвистическом отношениях. Следует с большим удовлетворением и радостью отметить, что комплексная этнографо-антропологическая экспедиция АН СССР во главе с проф. Чебоксаровым в 1952 г. произвела обследование и детальное изучение этих территорий этнического смешения и ассимиляции славяно-финских народов, а именно обследование северо-восточной и юго-восточной части ЭССР (Алутагузе и Сету). В языковом отношении эти территории изучены еще крайне недостаточно, и поэтому в целях исчерпывающего научного разрешения проблемы этногенеза этих мест, а также с позиций чисто лингвистических (вопрос языкового смешения, двуязычия и т. д.) всестороннее и планомерное лингвистическое обследование участков славяно-финского смешения яв-

ляется в настоящее время задачей первостепенного научного значения.

С точки зрения диалектной большой интерес представляет та часть территории Эстонии, на которой мы в настоящее время имеем дело с русскими деревнями и русскими говорами, а именно упомянутые выше участки Причудья и Принаровья. Какова история формирования этих двух групп, в чем особенности их исторического формирования, способствовавшие сохранению этнической и языковой самобытности этих мест?

Причудские деревни образуют цепь тянущихся вдоль самого берега населенных пунктов, причем в некоторых местах в эту плотную цепь русских поселений вклиняются эстонские деревни. Несмотря на такое близкое соседство, как эстонские, так и русские поселения этого края сохраняют до сих пор свою национальную самобытность, свой язык и бытовые особенности. О смешении, двуязычии — на западном побережье Чудского озера по крайней мере — не может быть и речи. Чем объясняется национальная неприкосновенность, устойчивость языка и народных традиций этого края? — На этот вопрос можно ответить лишь при всестороннем ознакомлении с историческими условиями заселения Причудья, а также с особенностями формирования говора этих мест.

Следует предполагать, что первоначальной этнической основой, на которой в более позднее время сложились поселения как Причудья, так и Принаровья, являются те же русско-водско-ижорские смешанные племена, которые постепенно сползали на территорию Эстонии с соседней, расположенной за рекой Нарвой, Водской пятины. Часть их на территории Алутагузе (об этом участке уже говорилось несколько выше) растворилась, смешалась с местной чудью, а другая часть продвинулась к берегу Чудского озера и образовала на известных участках прибрежной полосы уже к XII—XIII в.в. первые небольшие поселки и деревни. Новейшие данные археологии, этнографии, фольклористики, а отчасти также диалектологии свидетельствуют о наличии уже в XII—XIII веках таких смешанных по составу поселений на отдельных участках побережья Чудского озера. В дальнейшем процесс сползания с соседних территорий, т. е. из-за реки Нарвы и с восточного берега Чудского озера постепенно все усиливался, т. к. пограничная эстонская территория была в то время еще довольно слабо заселена, в особенности западное побережье Чудского озера. Вместе с тем Причудье привлекало жителей соседних территорий также и из-за богатого рыбного промысла этих мест. Возможно, что первоначально русские при-

езжали сюда лишь на время рыбного сезона, а затем временные поселения на местах ловли постепенно превратились в постоянные, первоначально небольшие, поселения. Так, по-видимому, образовались такие древние русские поселения по реке Нарве, как Сыренец (эст. *Vasknarva*), Ямы, Князь-Село, а также первые поселения по Чудскому озеру — Муствее, Ремнику, Выгана, Олешница (эст. *Alajõe*) и др. Образование и окончательное формирование этнического состава этих деревень связано уже с более поздними переселениями русских с соседних, пограничных с Эстонией русских территорий и может быть отнесено к периоду времени до XVI века.

Наиболее важным и определяющим специфику местного края был последний и хронологически наиболее поздний этап формирования русских поселений Причудья, когда они из незначительных по величине и численному составу сел превратились в крупные, этнически устойчивые социальные единицы. Этот этап охватывает XVI, XVII, XVIII и отчасти XIX в.в. На протяжении всего этого времени, в течение трех веков, наряду с переселением с соседних территорий наблюдается массовое переселение и бегство также и с более отдаленных участков Российской империи. Возникает вопрос, что же заставляло русских людей сниматься с насиженных родных мест и переселяться в далекую, чуждую им Прибалтику.

Необходимо иметь в виду, что в Причудье переселялись и бежали (иногда целыми деревнями) не только из-за богатого улова рыбы, но и по той причине, что на территории Прибалтики меньше чувствовался гнет помещицкой власти, т. к. крестьяне не ходили здесь на барщину, а платили налог рублями. Кроме того, и до отдаленных деревень доходили слухи, что в правовом и политическом отношении здесь, в Прибалтике легче живется и легче дышится, что по ту сторону Чудского озера можно укрыться от преследований и гнета властей. Поэтому то или иное предпринимаемое властями ущемление народных прав и вызывало волну перебежчиков и переселенцев именно на территорию Прибалтики и в частности в Причудский край. Так, например, усиление закрепощения крестьян при Борисе Годунове, т. е. во второй половине XVI в., привело к усилению классовых противоречий и к крестьянским восстаниям, в результате чего многие из них принуждены были искать себе убежища от преследований царской власти и бежали на территорию Прибалтики. Следующая волна переселенцев была вызвана гонением на так называемых старообрядцев, начатая во второй половине XVII в. патриархом Никоном и продолжав-

шаяся в течение трех последующих веков. Бегство от преследований и жестоких притеснений церковной власти и забросило на территорию Причудья русское население не только с ближайших, соседних мест, но, по-видимому, и с довольно далеких окраин. В результате этой волны перебежчиков-старообрядцев на западном побережье Чудского озера фактически окончательно сложились и оформились те старообрядческие рыбацкие деревни, с которыми мы имеем дело и до сих пор (Воронья, Казепель, Большие Кольки, Малые Кольки, София, Красные Горы, Тихотка, Кикита, Раюша, Посад Чёрный — так звучали по-русски в свое время названия этих десяти деревень).

История формирования русских сел по северному побережью Причудья, начиная с расположенной еще на северо-западном участке его деревни Логозо и кончая деревней Ремнику, несколько отличается от формирования выше поименованных старообрядческих населенных пунктов именно в том отношении, что волна перебежчиков-староверов, по-видимому, не задела этих мест и поэтому не отложила заметного отпечатка как на этногенез, так и на особенности местного русского говора. Поэтому, по всей вероятности, и вопрос смешения с соседними эстонскими жителями для этой полосы русских деревень Причудья играет значительно большую роль, чем для поселившихся на западном побережье переселенцев.

Бежавшие в этот край старообрядцы обычно обосновывались или на пустых, или на слабо заселенных, болотистых, «черных» участках побережья (отсюда, по народному преданию, и название центра старообрядческих деревень «Посад Черный»). В то время как местные жители — эстонцы предпочитали селиться несколько выше и глубже, на самой материке. Такая территориальная обособленность не только укрывала от преследований, но и способствовала сохранению тех обычаев и обрядов, в борьбе за которые собственно и приходилось сниматься и бежать в чужие края. Такая сознательная внешняя и внутренняя изоляция от всего чужого и чужеродного и способствовала в очень сильной степени почти полному сохранению русского быта и русских говоров этих мест.

Изучение говора старообрядческих деревень западного побережья Чудского озера требует очень большой осторожности и продуманности. Прежде всего, при выборе объекта речи следует учитывать в этой местности одно очень существенное обстоятельство — этот объект должен быть коренным жителем именно этой обследуемой деревни и свободным от влияния церковнославянских произносительных норм. Нередко и до сих

пор близкие церкви, религиозные представители старшего поколения в этих деревнях изучили в раннем детстве славянскую, т. е. церковную, грамоту, которая оказала очень сильное влияние и на их разговорную речь, и поэтому у таких людей мы можем проследить и отметить подчас и церковнославянское оканье, и фрикативное г, и полноценное е (без перехода в ё), а также ряд других особенностей произносительной нормы церковного языка. Влияние церковнославянского произношения сказывается особенно заметно при переходе разговора на особо серьезную, «важную» тему, при разговоре с городскими, приезжими и т. д. в особых условиях, не обычных для повседневной жизни местных жителей.

Носитель говора должен быть не только неграмотным по-славянски, но также и коренным жителем именно данной деревни. Происхождение из близлежащей (в 5—6 километрах) деревни на территории Причудья фактически лишает нас права изучать говор данного лица, т. к. в большинстве случаев на окончательное формирование говора каждой деревни в отдельности отложила особый отпечаток именно та местность, откуда происходило заселение ее в течение последних трех веков, а фактически нередко соседние деревни заселялись из различных мест. Так, например, говор Красных Гор, несомненно, имеет свои специфические особенности сравнительно с говором расположенной от этого поселения в 15 км деревни Тихотки; говор Вороньи отличается от речи жителей Посада Черного и т. д. Все это говорит о том, что изучать эту диалектную группу говоров следует в двух планах, с двух исходных точек зрения: 1) общие языковые черты диалектальной группы говоров и 2) особые, частные особенности говора каждого населенного пункта, или нескольких населенных пунктов (в случае их полного языкового сходства, т. е. образования из одного источника).

Совсем особо следует рассматривать этногенез и говор острова Пийрисаар (по-русски его называли «Межа»), т. к. история образования и формирования первых поселений и русских старообрядческих деревень на этом участке территории Эстонии имеет свои особенности, что сказывается в очень сильной степени на языке, говоре местных жителей-пийрисарцев. Так, например, если западный и северный берег Причудья характеризуется сплошным аканьем и яканьем, то на расположенном от некоторых акающих деревень на расстоянии 2—3 километров острове Пийрисаар мы до сих пор еще среди старшего поколения встречаем носителей полного оканья, а также устанавли-

ваем целый ряд других фонетических и морфологических особенностей произношения и речи, присущих только местному говору.

Этот, издали кажущийся необитаемым, крайне непривлекательным и в природном отношении бедным, островок имеет богатое и значительное во всех отношениях историческое прошлое. У всякого, побывавшего в пийрисарских деревнях хоть раз, создается впечатление, что пийрисарцы большие патриоты вообще и патриоты своего края и острова прежде всего. И такое настроение их не случайно: ведь остров Пийрисаар (на немецких картах он называется *Borka*, *Borkawa*, *Borckholm*, а на русских — **Межа**) — это район, участок сказочного по героическим подвигам и патриотизму Ледового побоища Александра Невского. На одном из островков Пийрисарского «архипелага» располагался, по преданию, штаб русского князя (на острове «Камень»), а несколько ниже, в устье реки Эмайыги (древняя «Омовжа»), располагались сторожевые посты противника. Русские прокопали новый ход в реку Эмайыги, где сейчас и протекает небольшая речушка «Копанка» (эст. «*Kaevandu*»). Старшее поколение пийрисарцев с любовью хранит древние предания, рассказывает о кладах и находках, об иноземных монетах и мечях, поднятых неводами со дна озера и отосланных в русские музеи.

Первое русское поселение на острове Пийрисаар — деревня **Желачек**. Это название позволяет предполагать, что первыми русскими постоянными поселенцами на острове были жители с побережья реки «Желчи» (в Псковской летописи под годом 1371 впервые упоминается о русской рыбацкой деревне острова, причем там она названа **Жолч—Желч**). Эти первые поселенцы с Желчи, т. е. с территории окающей Гдовщины, и определили окающий характер вокализма местного говора, который сопротивлялся до самого последнего времени аканью более поздних поселенцев острова, появившихся здесь в основном в XVIII—XIX вв. и образовавших вторую русскую деревню под названием **Межа**. Это название второй русской деревни, перенесенное затем и на весь остров, объясняется тем, что к новому поселению примыкала почти вплотную административная граница, отделявшая с 1721 г. (после присоединения Лифляндии и Эстляндии к России по Ништадскому миру 1721 г.) Лифляндскую губернию от соседней Петроградской губернии. От древнего поселения Желачек, отошедшего к Гдовскому уезду Петроградской губернии, эта граница отстояла на расстоянии почти двух километров, в то время как Лифляндская губерния

начиналась непосредственно с деревни Межа (эст. Piigisaar означает в переводе на русский язык «Межевой» или «Пограничный» остров). Несомненно, что такое размежевание, разобщение двух русских деревень хотя и очень небольшого острова способствовало также и их языковому разобщению и сохранению диалектных особенностей речи каждой деревни в отдельности (оканье Желачка — аканье Межи).

Все вышесказанное свидетельствует о том, что история формирования и образования русских поселений на территории Эстонии весьма сложна и многообразна, в результате чего и речь жителей этих русских сел и деревень образует сложную и в каждом отдельном звене своеобразную диалектальную группу. Все эти говоры требуют еще тщательного дополнительного изучения и собирания, а затем глубокого обобщения и описания (благодарная и интересная тема не только кандидатской, но и докторской научной работы).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Материалы Балтийской этнографо-антропологической экспедиции (1952 г.). «Труды Института этнографии, т. XXII, 1954 г.
2. А. Х. М о о р а. Эстоно-русские отношения в XVIII—XX вв. по данным этнографии. «Краткие сообщения Института Этнографии».
3. Х. М о о р а. Некоторые новые результаты в изучении славяно-эстонских культурных отношений. «Советская Эстония» от 14 ноября 1956 г.
4. Материалы диалектических экспедиций студентов-русистов ТГУ. Архив кафедры русского языка.

Составила М. Ф. СЕМЕНОВА

ОБРАЗЦЫ ТЕКСТОВ НЕКОТОРЫХ РУССКИХ ГОВОРОВ ЛАТВИЙСКОЙ ССР¹

1. Вараклянский район.

шчас скóра ужé начына́йут ма́сла б'ит' са л'н'ано́ва с'ём'а//
ал'н'ано́йа с'ём'а шчас ужé абмалат'и́л'и/ т'ип'ер' пр'ийажджа́йут
и нъчына́йут б'ит' ма́сла/ ма́сла пылуча́ицца с с'ём'а/ с'ём'а
п'ус'т'иш нъ машы́ну/ тагда́ йаво́ паставы́ш ф п'еч в гаршкáх/
ано́ там/ на́да ча́ста т'ага́т'/ м'аша́т'/ штóбъ н'а падга́ре́ла/ а то
пылуча́ицца/ па́хн'ит га́р'йу ма́сла/ а ёс'л'и так/ тьк н'а бу́д'ит
па́хнут' га́р'йу ма́сла/ ы ыво́/ с'ём'а ёта смалóл'и нъ машы́ну
п'ёрвы́й рас/ а фтаро́й рас йаво́ на́да с'т'ар'ёт'/ трут ф так'и́х
бал'шы́х начо́фках/ вал'йо́ш вады́ тудá/ со́л'и фсы́плиш и тр'ош
до́лга/ штóбы мо́жна бы́ла с'т'и́снут' ф кулак'е́ и ужé ма́сла
п'оказа́лас'/ тагда́ сы́плиш в гаршк'и́ и жа́рыш/ и жа́рыш/ кагда́
ано́ ужé засо́хн'ит/ кан'ёшна като́рыи как Фат'и́на/ тьк ана́
ужé зна́ит/ што́ ано́ гы́това Ы́л'и н'ет/ ы тагда́ выт'а́гывыиш з
гаршкóф/ сы́плиш в м'ашк'и́/ тагда́ св'а́зывыиш в'ар'о́фкам/
кру́т'ут/ кру́т'ут в'ар'о́фкам/ тагда́ скру́т'ут кр'е́пка/ выно́с'ут
на ў́лицу/ там был'шо́й бру́с тако́й/ ы кладу́т йаво́ тудá/ там
такáа ды́рка вы́далбана в д'ёр'ив'и/ вло́жут ы с'в'ёр'ху бал'шо́й
такóй/ как сказа́т'/ бру́с/ Ы́л'и йа́шчо́ как йначы́ йаво́ нъзыва́йут/
н'а зна́йу/ тада́ кли́ны/ кли́ны ёты т'ру́дна зьб'ива́т'/ тагда́ бйут
ыво́/ бйут/ так с'и́л'на бйут/ пака́ пайд'о́т ма́сла/ тагда́ п'ир'а-
м'ён'ива́йут абра́тна/ ёты кли́ны вытáскывы́йут/ ыд'о́т ма́сла
атту́да/ н'иет/ п'мага́йут/ с аццо́м Дакс'ёй п'мага́ит зьб'ива́т'//

---

¹ См. Краткий обзор русских говоров Латвийской ССР. Труды института языка и литературы АН ЛССР. XII.

2. Резекненский район.

мой пл'ам'анн'ик с р'йг'и был пр'ийёхалшы// нон'ич будз'им
жыц' как л'ётас'// твайá мáма тош пастар'ёушы? йанá рум'анайа
была// йой и так ц'ижалó ва фс'и м'астá// в дún'и дз'аучóнк'и
н'ётуц'и/ вот анá и сйúхт'илас'// сын ажён'ицца/ пр'ив'адз'ó
дачкú// ашчэ сóнца ф шматкú// йа н'ет в'йдз'еушы Тон'к'и//
Кóс'ц'а был рас пр'ишóбушы// н'и к чóму/ т'и адз'йн/ т'и два
мáл'ца в н'ей// тап'ёр náда фс'о с йётава хаз'áйства брац'//
н'ет слýхана/ как ан'и рош бúдуц' дз'ал'йц'// Кóс'ц'а чыстай
акурáтнай мáл'иц'// анá вучóнайа/ куды анá дýра л'ёзла//

нон'ич — в этом году

л'ётас' — в прошлом году

рум'анайа — красивая

сйúхт'илас' — пала духом, постарела

сóнца ф шматкú — солнце высоко, на расстоянии от го-
ризонта

3. Даугавпилсский район.

ты помн'иш дóч'ин'ка напрóт'и нас дыхтар'йца жыла// так
вот анá бал'ёла п'ач'óнкый// сáма дыхтар'йцый была и то стра-
дáла п'ач'óнкый// ад'йн рас йанá с'ид'йт/ на стал'е фс'авó/ а
йанá йис'т' н'а мóg'ит/ так йанá ваз'м'ó и аткулупн'ó вóкырыка/
а йа йей гывар'ý/ чавóш ты йиш тóйа/ што таб'е вр'ад'йт// вот
ф той дыхтар'йцы жыла д'ёфка/ тык вот вм'ёла фс'ák'ийи скáск'и
раскáзывает'// náда была рабóтыт'/ вот майá внúч'ка т'ип'ёр'
с'ид'йт/ т'áшка и в'адрó вады пр'ин'ас'т'й'/ а мы тык как йашчó
рабóтыл'и// вот кто вм'ел гывар'йт'/ тык йёта твой д'ет// пайд'óm
бывáла ф тыкавн'ú мылат'йт'/ тык йон нам фс'ák'ийи пр'ибабún'и
раскáзывает'// йёта вже давнó д'ёла была/ пр'и пам'ёшч'ику
Мóл'а пам'ёшч'ика йа помн'у// тóл'к'и náшу з'амл'ú н'иктó н'и
нырушáл// брат служыл пр'и м'икалáйи двáцыт' п'ат' л'ет// йа
йшч'ó хад'йла в йим'ён'ийа рабóтыт' в мызу/ зырабл'áт' д'ён'г'и/
п'атнáцыт' кап'ейик плат'йл'и за д'ён'// раскáзывают' што был
пр'и пам'ёшч'ик'и м'ат'ёш ды йа йётыва н'а помн'у// д'ет мой и
бáба тут рад'йфшы и пам'óршы//

вóкырык — окорок

тыкавн'á — рига

пр'ибабún'и — прибаутки, шутки

нырушáл — трогал

зырабл'áл — зарабатывал

4. Прейльский район.

П'отра с'ил'ной был// картóшку с мунд'йрам да с агурца́м
жр'о// бал'шых тр'и д'ан'йч'к'и с'јел пьдзаклад и н'ьчаво//
с'ил'ной был// д'ас'атка два јайчык с'јел и н'ь-распушы́ла живóт/
и л'итра 3—5 вады вып'ил/ цел'ный кумп'ачо́к свар'йли/ с'јел
јон и н'а рьзарва́ль// п'астку сол'и с'јист пьд заклад и вып'е
п'ат' л'итрав вады// ну с'ил'ной был/ ну с'ил'ной// кул' бóбу
с'јел и кумп'ачо́к/ и н'а лóпнул/ и н'ь-давар'обный кумп'ачо́к//
ша́пку куп'ил уша́тыйю// П'отра с'ид'йт/ вып'ил'и с н'им//
дава́й м'ин'аца гьлава́ в гьлаву́// н'е/ ты мн'е при'даш/ твайа́
уша́тъя/ т'апл'ей//

гьвар'йли// н'ь-пайд'о јана́ зь-јаво/ јон кыг б'ес/ м'йгы́лк'и
б'элы́йи/ ф'уй// и н'ь-пашла́//

д'ан'йч'к'и — рукавицы

кумп'ачо́к — окорок

гьлава́ в гьлаву́ — менять что-либо без придачи

м'йгы́лк'и — ресницы

5. Вилякский район.

тыи благ'йи/ а эты панав'еи/ пал'уччы// уот так и рас'л'й
фс'й вапшы/ н'а то́лк'и йа/ фс'и ф т'уйу пору так рас'л'й/ и
ба́рышн'и быва́ла так// уот н'ь пьс'ид'елк'и пайд'ош/ э́та
пьс'ид'елк'и н'ьзывалас'а/ абр'ад'исс'а до́ма/ на пьс'ид'елк'у
справл'аисс'а/ ану́ца но́ва/ ла́пат' но́вый/ абóр'ина но́ваа/ уот
аб'уисс'а// пр'ал'и/ йа в'ид'иш/ маму́ разгавóру с'м'ешна/ йа
рьзгавар'ивайу как ра́ншы гьвар'йли/ йа магу́ и па тап'ер'иш-
н'иму гьвар'йт// уот пайд'ош на пьс'ид'елк'у/ ма́т'ица пр'ика́жа/
што́ба напр'асс' шп'у́л'у/ дамо́й н'и хад'й// уот/ тап'ер' на
пьс'ид'елк'у сайд'ут/ пл'ашут/ танц'уйут// и уот с'ид'йш/ пр'ад'ош//
п'ес'н'и пайо́ш/ фс'ак'и ра́зны/ ра́зныи п'ес'н'и/ тагда́ стар'йнныи п'ел'и/
а тап'ер' тех н'ет п'ес'ин/ туре́ччыну п'ел'и/ как ф туре́ччыны
служы́ли// мужык'й прихад'ил'и/ уцы́ли фс' их п'ет' ба́рышн'иф/
а тап'ер'// зна́йу/ а каво́ш/ штош йа п'ет' б'уду/ п'ет' н'а б'уду/
йа тап'ер' и забы́ла уже//

благ'йи — плохие

абóр'ина — обора

ма́т'ица — мать

туре́ччына — песня о турецкой войне.

Н. А. ДОНЕЦ.

К ВОПРОСУ О ГРАНИЦАХ И ТИПАХ СКАЗУЕМОГО

И в наши дни синтаксис остается мало разработанным разделом грамматики современного русского языка.

До сих пор вопрос о границах и типах сказуемого не получил полного и всестороннего освещения, в результате чего в его трактовке имеются существенные расхождения, основанные на различном понимании роли носителя предикативности, на значении связочного глагола или количестве компонентов, входящих в предикативную единицу.

В своей работе мы отнюдь не претендуем на дальнейшую разработку данной проблемы, а лишь попытаемся сделать небольшой сравнительный обзор вопроса с соответствующими комментариями.

Материалом для сопоставления послужили учебные пособия по синтаксису современного русского языка для вузов¹, «Учебник русского языка» ч. II С. Г. Бархударова и С. Е. Крюčkова, а также отдельные труды выдающихся русских лингвистов XIX—XX в.в.

Прежде чем обратиться к типам и видам сказуемого в современном русском языке, рассмотрим его определение у различных авторов.

В школьном учебнике определение сказуемого идет по традиции от логического направления в грамматике (Н. Греча, А. Востокова, Ф. Буслаева) и основано на смысловом анализе по сути логического предиката, хотя формально речь идет о члене предложения.

«Сказуемым называется член предложения, при помощи которого говорящий утверждает что-либо о подлежащем: ска-

---

¹ Грамматика русского языка АН СССР, т. II, ч. I. М. 1954 г. Современный русский язык. Синтаксис. МГУ. Под редакцией Е. М. Галкиной-Федорук, ч. II. М. 1958 г. А. Н. Гвоздев. Современный русский литературный язык, ч. II. М. 1958 г. Е. М. Галкина-Федорук, К. В. Горшкова и А. Н. Шанский. Современный русский язык. Синтаксис. М. 1958 г.

зуемое отвечает на вопросы: что делает? что делается? каков? кто он? что такое?»²

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой, и назовет меня всяк сущий в ней язык (Пушкин). Мы стоим за мир, за дружбу, за улыбки милых встреч (из песни). Прекрасное есть жизнь (Чернышевский). Все стали толковать украдкой, шутить, судить не без греха, Татьяне прочить жениха (Пушкин).

Сравните данное определение сказуемого с определением одного из представителей логического направления, Н. Греча:

«Сказуемое есть качество, которое мы в суждении своем придаем подлежащему или отнимаем у него».³

Как видим, последователи логического направления усматривали в сказуемом то качество, которое не только что-то утверждает о подлежащем, но и отрицает.

Войны мы не хотим, но в бой готовы (из песни). Я не тот, за кого вы меня принимаете (Пушкин). Жизнь прожить не поле перейти (Поговорка). Зато и пламенная младость не может ничего скрывать (Пушкин).

В определении же сказуемого школьным синтаксисом отсутствует этот важный признак. Кроме того, неполнота определения сказуемого у С. Бархударова и С. Крюčkова сказывается и в том, что в нем о сказуемом говорится как о члене предложения вообще, который что-то утверждает о подлежащем. Сказуемое же является одним из главных членов предложения. И это следует подчеркнуть, так как может возникнуть неверное представление о сказуемом. Дело в том, что и второстепенный член предложения также может утверждать тот или иной признак подлежащего и отвечать на вопросы «какой он?». Напр.:

У опушки белая березка, на ней желтые сережки, а на полянке голубые фонарики (Гришин).

Слова «белая, желтые, голубые» хотя и утверждают признак подлежащего, но не являются сказуемыми. Это второсте-

² С. Г. Бархударов и С. Е. Крючков. Учебник русского языка, ч. II. Синтаксис, М. 1955 г., стр. 10.

³ Н. Греч. Русская грамматика, СПб. 1834 г. Изд. II, стр. 221.

пенные члены предложения. Таким образом, недостаточность определения сказуемого в вышеуказанном учебном пособии состоит в том, что, во-первых, в нем сказуемое не выделяется как **главный член предложения**; во-вторых, не учитывается, что сказуемое может не только утверждать что-либо о подлежащем, но и отрицать.

Определение сказуемого проф. А. Н. Гвоздевым, по нашему мнению, носит довольно общий, неконкретный, можно сказать, расплывчатый характер:

«То понятие, которое выражает то или иное утверждение о подлежащем, называется сказуемым».⁴

Данному определению присущи те же недочеты, что и определению сказуемого С. Бархударовым и С. Крючковым, поэтому мы на них особо останавливаться не будем.

В «Грамматике русского языка» АН СССР сказуемое — «это **главный член двусоставного предложения**, грамматически зависящий от подлежащего... и обозначающий признак (действие, состояние, свойство, качество) того предмета, который выражен подлежащим».⁵

Это определение сказуемого является более конкретным, более полным, чем предыдущие. В нем сразу же подчеркивается, что сказуемое — это **главный член предложения**, грамматически зависящий от подлежащего. Однако в отличие от остальных современных учебных пособий по синтаксису «Грамматика русского языка» АН СССР считает, что о сказуемом можно говорить только в двусоставном предложении. Отсюда и определение сказуемого как **главного члена двусоставного предложения**, предложения, в котором два организующих центра, т. е., где имеются оба главных члена предложения. Напр.:

Кто из нас не мечтал стать Горьким? (Павленко).
Самое замечательное в доме были поющие двери (Гоголь).

К односоставным предложениям, т. е. предложениям с одним организующим центром, — например, «В науке нет широкой столбовой дороги»... (Маркс), — понятие сказуемого (равно как и понятие подлежащего), по мнению авторов «Грамматики русского языка» АН СССР, неприменимо. Поэтому вме-

⁴ А. Н. Гвоздев. Современный русский литературный язык, ч. II, М. 1958 г., стр. 49.

⁵ Грамматика русского языка АН СССР, т. II ч. I. М. 1954 г., стр. 386.

сто термина «сказуемое» в односоставных предложениях они рекомендуют общее нерасчлененное понятие «главный член». В этом вопросе Грамматика АН СССР идет вслед за академиком А. Шахматовым, который считал, что односоставные предложения ясно не членятся на состав подлежащего и состав сказуемого, поэтому в них не следует выделять ни сказуемого, ни подлежащего, а довольствоваться нерасчлененным понятием «главный член» предложения.

Нам кажется это неправомерным ни теоретически, ни практически. Поэтому мы полностью присоединяемся к мнению проф. Е. М. Галкиной-Федорук о том, что понятие сказуемого (как и подлежащего) применимо как в двусоставном, так и в односоставном предложении. Ибо нерасчлененное понятие «главный член», во-первых, слишком обще, т. к. объединяет разнообразные типы односоставных предложений; во-вторых, ничего не говорит о природе этого члена как синтаксического явления, тем самым подменяя синтаксический анализ анализом морфологическим (какой частью речи выражен главный член односоставного предложения).⁶

«Морфологизм же в чистом виде как принцип построения теории предложения, — как замечает акад. В. В. Виноградов, — не может привести к пониманию всего разнообразия структурных типов предложения».⁷

Исходя из вышеизложенного, мы считаем, что в определении сказуемого «Грамматикой русского языка» АН СССР излишне подчеркивание того, что сказуемое — это главный член **только двусоставного** предложения. На наш взгляд, наиболее четким и всесторонним определением сказуемого является определение, данное проф. Е. М. Галкиной-Федорук:

«Сказуемое — главный член предложения, грамматически зависимый и относящийся к подлежащему, обозначающий действие, состояние, свойство, качество и другие признаки того, что обозначено подлежащим, выражающийся глаголом в разных формах или любой знаменательной частью речи в сочетании с наличной связкой или без связки. Сказуемое имеет утвердительный или отрицательный характер».⁸

В нем, во-первых, подчеркивается, что сказуемое — это главный член предложения; во-вторых, что сказуемое грамма-

---

⁶ См. Современный русский язык. Синтаксис. МГУ. Под ред. Е. М. Галкиной-Федорук. М. 1958 г., стр. 274—275.

⁷ Грамматика русского языка АН СССР, т. II ч. I. М. 1954 г., стр. 78.

⁸ Современный русский язык. Синтаксис. МГУ. Под ред. Е. М. Галкиной-Федорук. 1958 г., стр. 13.

тически зависит от подлежащего; в-третьих, что оно имеет определенное значение; в-четвертых, что оно может быть выражено различными формами глагола и любой знаменательной частью речи; и, наконец, что оно имеет утвердительный или отрицательный характер.

Данным определением сказуемого и следует руководствоваться, так как в нем отражены все признаки сказуемого как грамматической категории.

II

В зависимости от формы выражения сказуемого в современном русском языке выделяются два вида сказуемого: глагольное и именное. В этом вопросе единодушны все учебные и научные пособия нашего времени.

В зависимости же от количества компонентов, входящих в сказуемое, а также от их лексического значения, сказуемое может быть простым и непростым, т. е. составным или сложным.

Основные приемы школьного построения и изучения синтаксиса русского языка во многом определяет синтаксическая система Ф. И. Буслаева.

«Традиции буслаевской грамматики не изжиты и поныне. Они сильно дают себя знать не только в школьной грамматике, но и в научной литературе по русскому синтаксису».⁹

Русская грамматическая традиция, начиная с Ф. И. Буслаева, прочно установила два вида сказуемого: **простое** и **составное**. В наше время начинает выкристаллизовываться еще и третий вид — **сложное** сказуемое.

Школьная грамматика не разграничивает сказуемое на составное и сложное. В школьной практике все, что не относится к простому сказуемому, то считают составным. Напр.:

Каждый должен контролировать и верно оценивать свои поступки и дела (из газеты). Создание спутников Земли является величайшим достижением советской науки и техники (из газеты). Она жила затворницей (Тургенев). Человек должен быть гражданином прежде всего (Горький). Озорник тяжело дышал и, судя по глазам, хотел продолжать шалить (Чехов).

⁹ В. В. Виноградов. Из истории изучения русского синтаксиса. Изд. МГУ, 1958 г., стр. 229.

В вузовских пособиях мы находим понятие о трех видах сказуемого: простом, составном и сложном. Однако до сих пор у нас нет единого мнения среди лингвистов по вопросу о границах сказуемого. Вопрос о границах простого и простого сказуемого является явно принципиальным, а не терминологическим. Принципиальность его заключается в том, имеется ли в любом предикате наличие форм глагола или имя само без глагола может выражать предикативность. Напр.:

Мир на земле необходим. Земля — планета. Рига — столица ЛССР. Счастье изменчиво. Москва вчера не то, что Москва сегодня.

Те, кто считают, что любое сказуемое должно иметь при себе глагол, хотя бы и в нулевой форме, относят данный тип к составному сказуемому. Такой точки зрения придерживаются проф. А. Пешковский, А. Потемня, проф. Е. М. Галкина-Федорук, проф. А. Гвоздев, С. Абакумов, А. Шапиро и большинство других синтаксистов нашего времени. Таков традиционный взгляд, который отражен и в школьных, и в вузовских пособиях по современному русскому языку (за исключением Грамматики русского языка АН СССР).

Однако имеется и другое мнение, что имя само по себе может выражать предикативность, не нуждаясь в глаголе. С этих позиций именное сказуемое без наличных глагольных форм типа:

Ночь тиха. (Пушкин). Груд — источник радости в жизни человека. Новое неодолимо и подобные —

является простым именным сказуемым. Такого взгляда придерживается акад. А. Шахматов в «Синтаксисе русского языка», а вслед за ним и Грамматика русского языка АН СССР. Однако следует отметить, что выдвинутая акад. А. Шахматовым теория простого именного сказуемого не получила широкой поддержки среди лингвистов. В практическом разборе мы отдаем предпочтение традиционному взгляду, считая именное сказуемое с отсутствующей глагольной связкой составным, равно как и с наличной связкой.

Простое сказуемое.

Придерживаясь традиционного взгляда, мы также считаем, что простым сказуемым является только глагольное сказуемое.

Простое глагольное сказуемое выделяется всеми грамматиками и исследователями русского языка. Уже в «Русской грамматике» А. Х. Востокова говорится:

«Сказуемое есть глагол, или все то, что о предмете говорится».¹⁰ Правда, у А. Востокова мы еще не находим деления сказуемого на простое и составное, но, очевидно, его разграничение глаголов на «одиночные» и «составные» имеет задачей обозначить разные виды сказуемого.

В «Исторической грамматике русского языка» Ф. Буслаява сказуемое уже четко разграничивается на простое и составное: «Сказуемое может состоять или 1) из одного только глагола, напр., «ветер веет», или же 2) из глагола, соединенного с именем или другой частью речи, означающею признак подлежащего, напр., «земля есть планета». В первом случае сказуемое называется простым, а во втором — составным».¹¹

В школьном пособии С. Бархударова и С. Крюčkова простое глагольное сказуемое тоже определяется как такое, «которое выражено глаголом в каком-либо наклонении».¹² Напр.:

Вот дождик брызнул, пыль летит, повисли перлы дождевые, и солнце нити золотит (Тютчев). Спойте, друзья, ведь завтра в поход уйдем в предрассветный туман! (из песни). Вот то-то все вы гордецы! Спросили бы, как делали отцы? Учились бы, на старших глядя... (Грибоедов).

Аналогично определяют простое глагольное сказуемое проф. А. Гвоздев и Е. Галкина-Федорук.¹³

Все эти определения простого глагольного сказуемого являются неполными, так как не учитывают различных возможных способов его выражения в современном русском языке. Ведь помимо глагола в любом наклонении простое глагольное сказуемое может быть выражено также 1) формой инфинитива:

Откуда ни возьмись гроза. А лес шуметь, стонать, метаться (Игнатов). Ей сделали справедливый упрек, а она кричать, возмущаться (Кетлинская).

¹⁰ А. Х. Востоков. «Русская грамматика, изд. 7. СПб. 1848 г. § 104, стр. 177.

¹¹ Ф. И. Буслаяв. Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. М. 1863 г. изд. II, § 123, стр. 26.

¹² С. Бархударов и С. Крюčkов. Учебник русского языка. ч. II. Синтаксис. 1955 г., стр. 13.

¹³ См. А. Н. Гвоздев. Современный русский литературный язык, ч. II. М. 1958 г. стр. 53. Е. М. Галкина-Федорук, К. В. Горшкова и А. Н. Шанский. Современный русский язык. Синтаксис. М. 1958 г., стр. 27. Синтаксис. МГУ. Под. ред. Е. Галкиной-Федорук, М. 1958 г., стр. 141.

2) **Глагольным междометием:** Мартышка, в зеркале увидя образ свой, тихохонько медведя толк ногой (Крылов). И легче тени Татьяна прыг в другие сени (Пушкин).

3) **Фразеологическим сочетанием:** Эх, Алексей, смотри, больно ты уж нос задираешь! (Кочетов). Товарищи подняли его на смех (Шемякин). Ох, Катерина! Не выводи ты меня из терпения (Григорьев). Вы с ума сошли, Василий Артемьевич! Как вы смеете? (Лавренев) Сравните: задирать нос = возгордиться, поднять на смех = высмеять, вывести из терпения = рассердить, сойти с ума = рехнуться.

Грамматика русского языка АН СССР пополняет определение простого глагольного сказуемого, включая сюда выражение его формой инфинитива.¹⁴

Синтаксис МГУ и Грамматика АН СССР отмечают возможность выражения простого глагольного сказуемого фразеологическим словосочетанием и глагольным междометием, но оба эти случая не нашли отражения в их определении простого глагольного сказуемого.

Таким образом, ни одно из имеющихся в современном русском языке определений простого глагольного сказуемого не охватывает полностью всех возможных форм его выражения. Исходя из этого, попытаемся дать более полное определение простому сказуемому.

Простым глагольным сказуемым является сказуемое, выраженное глаголом в форме любого наклонения, формой инфинитива, глагольным междометием и фразеологическим словосочетанием, равным глаголу.

Простое глагольное сказуемое может иметь также осложненные формы, на которые обращают внимание только два учебных пособия: Грамматика АН СССР и Синтаксис МГУ под редакцией проф. Е. Галкиной-Федорук, тогда как это довольно распространенная форма простого сказуемого, особенно употребительная в разговорной речи. С нашей точки зрения, ее следовало бы рассматривать во всех учебных пособиях, в том числе и в школьной грамматике.

Осложнение простого глагольного сказуемого может быть:

1) за счет повторения одних и тех же форм глагола. Напр.:

Отрядом книг уставил полку, читал, читал, а все без толку (Пушкин). Да она же вас любит, любит! Честное слово, любит! (Казакевич). А он все шептал, шептал ей жаркие слова (Зив).

¹⁴ См. Грамматика рус. яз. АН СССР, т. II ч. 1. М. 1954 г., стр. 387.

2) За счет присоединения к спрягаемой форме глагола глаголов, утрачивающих в данном сочетании свое лексическое значение и превращающихся в частицы. К таким глаголам-частицам относятся слова **пойти, знать, взять**. Напр.:

А я вот на зло всем **возьму и погибну**. (Чехов). Не поеду я с тобой, а **пойду и устроюсь** на завод (Шевургин). А дед **знай себе дымит** в уголке (Богусл.).

3) За счет усилительных частиц **да как, вот так, ну и, ну да, так и**, а также частицы **себе**. Напр.:

А Таня испугалась **да как прыгнет**, угодив прямо в воду (Наседкин). А глаза **так и слипаются** (Тургенев). **Вот так поблагодарил!** Век не забуду. (Наседкин). **Ну и дымит у вас!** (Зив). — Здорово, парнище! — «**Ступай себе мимо!**» (Некрасов). А он **сидит себе** с книгой в руке и как будто ничего не замечает (Л. Т.).

4) За счет сочетания спрягаемой формы глагола с инфинитивом с тем же лексическим значением. Напр.:

Пойти пойду, но за успех не ручаюсь (Антонов). **Болезнь не болею**, но и здоровья мало (Богусл.). **Читать читал**, но не могу вспомнить, о чем там... (Антонов).

5) За счет устойчивых сочетаний наречного типа: есть поедом, реветь ревмя, гореть гормя, рыдать рыдмя, дрожать дрожмя и т. д. Напр.:

Лес **гормя горит**, кругом темно от дыма, и помочь трудно (Ельцова). Вожжи у Якова **дрожмя дрожат** (Некрасов).

Как видим, простое глагольное сказуемое может иметь самые разнообразные формы выражения, которые и надо иметь в виду, чтобы не ошибиться при определении типа сказуемого.

Составное сказуемое.

Вопрос о составном сказуемом в русской лингвистике впервые был поставлен А. Х. Востоковым, хотя термина «составное сказуемое» мы у него и не найдем. Как уже упоминалось выше, А. Востоков обратил внимание на синтаксическое различие между «одиначными» и «составными» глаголами, выдвинув

также вопрос о формах выражения современного составного сказуемого.

Термин «составное» сказуемое выдвинул Ф. И. Буслаевым. Он же дал определение составному сказуемому, наметив типы присвязочных слов.

Дальнейшую разработку учение о составном сказуемом получило в трудах А. Потебни, Д. Овсяннико-Куликовского, А. Шахматова, А. Пешковского и других лингвистов.

Во второй половине XIX века было создано традиционное учение о составном сказуемом, которое дошло до нашего времени почти без изменений. Однако многие теоретические положения о структуре составного сказуемого в наши дни оказываются или совершенно устаревшими, или требуют уточнения и дополнения новыми данными.

Составное сказуемое — это описательная форма сказуемого, состоящая из двух компонентов: связки или вспомогательного глагола и присвязочной части. Причем каждый из компонентов сам по себе полностью не выражает значения сказуемого. Только в сочетании оба компонента составного сказуемого дают полное значение сказуемого.

Связка является той частью составного сказуемого, при помощи которой предикативный атрибут сливается в одно целое и приобретает значение сказуемого. Связка — носитель грамматических значений сказуемого (категорий времени, наклона, лица, числа или рода), в то время как присвязочный член выражает основное лексическое значение сказуемого.

Проблема связки является важной проблемой в составном сказуемом. Различные лингвисты рассматривали по-разному ее роль, то включая, то исключая ее из состава сказуемого. Так, в начале XIX века под влиянием логического направления в русской грамматике укрепилась теория трехчленного состава предложения, по которой связка считалась самостоятельным членом предложения и не включалась в состав сказуемого. Эта теория трехчленного состава предложения отражена в трудах Н. Греча.

В отличие от современного взгляда на связку как на неотъемлемую часть составного (и сложного) сказуемого, Н. Греч считал связку «словом, коим выражается связь между подлежащим и сказуемым, т. е. коим означает бытие или отсутствие сего сказуемого в сем подлежащем».¹⁵ При этом, по мнению

---

¹⁵ Н. Греч Русская грамматика. II-ое изд. СПб. 1834 г. § 261, стр. 221.

Н. Греча, роль связки могли выполнять только два самостоятельных глагола «быть» и «стать».

Ф. Буслаев считал термин «связка» лишним в русской грамматике, ставя знак равенства между связкой и сказуемым.

«Глагол существительный в составном сказуемом обыкновенно называется связкою. Но как он означает лицо, время и наклонение, то нет причины давать ему иного имени, кроме сказуемого».¹⁶ Против подобной точки зрения Ф. Буслаева выступил в свое время А. Потебня. И с мнением А. Потебни нельзя не согласиться. Потебня совершенно справедливо заметил, что если в составном сказуемом одна часть совершенно равносильна простому сказуемому, то незачем и говорить о составном сказуемом. Но Буслаев тем не менее считает нужным говорить о составном сказуемом, и не без основания, «так как функция глагола, входящего в составное сказуемое, не совпадает с функцией простого сказуемого».¹⁷ Сравните: Земля **есть** и Земля **есть планета**. Глагол «есть» в этих двух конструкциях имеет различное значение.

Академик А. Шахматов также говорит о том, что вспомогательный глагол не является сказуемым, а связкой, смысл которой состоит в том, чтобы выразить те временные отношения, которые не могут быть выражены неглагольными сказуемыми сами по себе. Однако Шахматов отвлеченную связку не относит к составу сказуемого, считая ее служебным словом, назначение которой состоит в том, чтобы связать подлежащее со сказуемым. Глаголы, которые не теряют значения сказуемости, он включает в состав сказуемого. Но, по Шахматову, сказуемым является, в противоположность Буслаеву, та часть сказуемого, которую мы считаем присвязочной частью.

Мы ни в коем случае не можем согласиться ни с Буслаевым, который ставит знак равенства между связкой и сказуемым, ни с Шахматовым, признающим сказуемым только присвязочную часть, так как составное сказуемое — это единое органическое целое, состоящее из связки и присвязочной части.

У Шахматова мы не находим общепринятого термина «составное сказуемое», который он заменяет «двойным сказуемым».

«Двойное сказуемое — это сочетание двух сказуемых: одно—

---

¹⁶ Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка. 2 изд. ч. II. М. 1863 г. § 111, стр. 26.

¹⁷ А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике. I—II изд. II. X. 1888 г., стр. 111.

вспомогательный спрягаемый глагол называют связкой, как и в именном составном сказуемом.

Характерной особенностью составного глагольного сказуемого является возможность употребления в качестве присвязочной части только субъектного инфинитива, зависимого от спрягаемой формы глагола, причем вспомогательный глагол здесь всегда имеет ослабленное, или неполное лексическое значение. Напр.:

Если **бы** парни всей земли вместе **собраться** могли... (из песни). Капли росы **стали дрожать** в косом луче солнца (Пришвин). Фурманов **продолжал работать** по ночам (Венгров).

Исключение составляет Грамматика АН СССР, которая вообще не признает такого типа сказуемого, как составное глагольное, считая его сложным типом глагольного сказуемого.

Что же касается определения именного составного сказуемого, то с нашей точки зрения, все они слишком общие, слабо отражающие сущность данного типа сказуемого. Так, школьное, пособие С. Бархударова и С. Крюčkова и Грамматика АН СССР именное составное сказуемое определяют как сказуемое, состоящее из глагола-связки (или вспомогательного глагола) и именной части. Понятие же предикативной именной части очень широкое. Сюда входят не только имена, но и наречия, причастия, категория состояния, междометия и фразеологические словосочетания. Вероятно, поэтому проф. Галкина-Федорук в своем определении устраняет понятие **именной** присвязочной части.

«Именным составным сказуемым называется такое, в котором вещественное и грамматическое значение выражены двумя словами — связкой и присвязочным словом».²⁰

И это определение несколько не конкретизировало понятие именного составного сказуемого, так как оно одинаково применимо как к составному именному, так и к составному глагольному, т. е. и в первом и во втором имеется связка и присвязочная часть.

Учебное пособие проф. А. Гвоздева тоже не дает конкретного определения составному именному сказуемому, ограничиваясь лишь способами его выражения. Проф. Гвоздев, как и проф. Галкина-Федорук, считает, что составное именное сказуемое состоит из связки и присвязочного члена.

---

²⁰ Е. Галкина-Федорук, К. Горшкова и А. Шанский. Современный русский язык. Синтаксис. М. 1958 г., стр. 35. Современный русский язык. Синтаксис. МГУ. Под. ред. Е. Галкиной-Федорук. М. 1958 г., стр. 155.

глагольное, другое адъективное или именное. Напр.: сидит мрачен, пришел пьяный, пал мертвый».¹⁸

Термин «двойное сказуемое» в грамматической литературе не привился, так как шахматовская теория двойного сказуемого, как замечает В. Виноградов, «не внесла существенных улучшений в понимание структуры сказуемого сравнительно с тем освещением, какое дается сторонниками термина составное сказуемое».¹⁹

Глагол-связку в составе сказуемого выделяет и проф. Пешковский, называя глагольную связку служебным словом, обладающим только формальным значением. На примерах «Фабрика стала и Она стала странная» Пешковский показывает, что глагол «стала» в этих двух конструкциях выполняет различные синтаксические функции. В первом случае это самостоятельный глагол, имеющий значение «остановилась, не работает», во втором — это глагольная связка, т. к. глагол утратил свое вещественное значение.

Все учебные пособия нашего времени и все лингвисты-современники признают связку обязательным структурным элементом составного сказуемого. По степени отвлеченности и конкретности глагольные связки разделяют на три типа: 1) **отвлеченные связки**: **быть** (совершенно утратившие свое вещественное значение), 2) **полуотвлеченные**, или полужнаменательные связки: **стать, становиться, являться, казаться, оказаться, делаться, считаться, называться, служить** и некоторые другие, частично сохраняющие свое лексическое значение, 3) **знаменательные**, или вещественные связки, которые хотя и обладают определенным вещественным значением, но в составе сказуемого выполняют роль связки: **жить, работать, родиться, ездить, ходить, лежать, вернуться, приехать, бродить, вставать, расти** и др.

В отношении определения глагольного составного сказуемого в наших учебных пособиях нет существенных расхождений. Общепризнанным является, что составное глагольное сказуемое состоит из двух структурных элементов: вспомогательного спрягаемого глагола и неопределенной формы глагола (инфинитива). Некоторые лингвисты (напр., проф. А. Гвоздев)

¹⁸ А. Шахматов. Синтаксис русского языка, изд. II. Л. 1941 г., стр. 44.

¹⁹ В. Виноградов. «Синтаксис русского языка» академика А. А. Шахматова» (Сб. Вопросы синтаксиса современного русского языка. М. 1950 г., стр. 104).

Сложное сказуемое.

Сложное сказуемое — это один из типов сказуемого, где меньше всего ясности. Это и понятно, т. к. данный вид сказуемого стал выделяться гораздо позже первых двух и не получил еще всеобщего признания. Поэтому и критерии отнесения к сложному типу сказуемого у различных лингвистов отличны. Некоторые синтаксисты и исследователи данного вопроса вообще считают лишним выделение сложного сказуемого как особого вида сказуемого. Такого мнения придерживается акад. Л. А. Булаховский, который употребляет термины сложное и составное сказуемое в качестве синонимичных.²¹ Синонимичными понятиями считает их и Г. Груднева.²² Р. Протогенова²³ высказывается категорически против выделения сложного типа сказуемого, т. к. не находит четкой границы между ними, и некоторые другие.

Большинство лингвистов, а также все вузовские пособия отграничивают сложное сказуемое от составного. Особенно настаивает на выделении сложного сказуемого А. Б. Шапиро в своей статье «О границах и типах непростого сказуемого».²⁴ Критерием для определения границ сказуемого А. Шапиро считает полноту или неполноту лексического значения глаголь-связки в составе сказуемого. Полнозначные, или знаменательные связки образуют сложный тип сказуемого, незнаменательные и полужнаменательные связки — составной тип сказуемого. «В таких сочетаниях, как «он ходит барином, он выступает инициатором, разгуливает франтом» есть вещественная значимость связки... Чтобы, однако, не смешивать такие сказуемые со сказуемыми составными, т. е. такими, где связка выполняет исключительно грамматическую роль (я был болен, я стал стар), для них целесообразно установить название сложных сказуемых».²⁵

Критерий А. Шапиро для установления границ сложного сказуемого разделяет большинство лингвистов нашего времени:

²¹ См. Л. А. Булаховский. Курс русского литературного языка, изд. 5. К., стр. 283.

²² См. Г. Груднева. Составное, или сложное сказуемое (Автореферат диссертации). Львов. 1954 г.

²³ См. Р. В. Протогенова. Глаголь-связка в составном сказуемом современного русского языка. (Труды среднеазиатского госуниверситета. Филологические науки, кн. 4. Ташкент. 1953 г.).

²⁴ А. Б. Шапиро. О границах и типах непростого сказуемого. (Рус. язык в школе № 5. 1936 г.).

²⁵ Там же, стр. 130.

А. Абакумов, О. Лабарткава, Н. Шведова, А. Гвоздев и др.²⁶ Этот взгляд отражен и в вузовских пособиях: в Грамматике АН СССР и в Современном русском литературном языке проф. А. Гвоздева.

«Сказуемое, состоящее из именной части и полнознаменательного глагола, называется сложным именным сказуемым».²⁷

«Сложное сказуемое, подобно простому, включает глагол с полным лексическим значением и, подобно составному, включает предикативный член».²⁸

Напр.: **Живет она царицей** (Крылов). **А ты сиротой сидишь** на пригорке (Исаковский). **И так рохлаю родился мой батюшка** (Фонвизин). **Она, наверное, вырастет летчицей** (Коптяева).

По своему значению и по структуре сложное сказуемое гораздо ближе к составному сказуемому, чем к простому. И в сложном и в составном сказуемом обязательным структурным элементом является глагол-связка. Однако в сложном сказуемом связка, хотя и обладает вещественным значением, тем не менее выражает предикативность не сама по себе, а вместе с присвязочной частью. Напр.:

Аржанов возвратился домой довольный и веселый (Коптяева).

Несомненно, что здесь речь идет не просто о возвращении домой Аржанова, а о возвращении его в определенном расположении духа. Следовательно, значение сложной предикативной единицы не является простой суммой значений глагола и имени, а составляет новое качество. Причем полнозначный глагол в ее составе может приобретать новый оттенок значения. Так, напр., глагол **жить** сам по себе означает «существовать», а в составе сложного сказуемого, сочетаясь с именем существительным в творительном падеже, приобретает значение «вести какой-нибудь образ жизни»: **жить барином, жить бобылем**. Или глагол «ходить» обозначает движение, а в сложной предикативной единице приобретает значение «иметь какой-нибудь внешний вид»: **ходить замарашкой, ходить гоголем** и т. д.

---

²⁶ См. С. И. Абакумов. Русский литературный язык. М. 1942. О. Лабарткава. Способы выражения сложного сказуемого (Автореферат диссертации). Тбилиси. 1955 г. Н. Шведова — раздел «Именное сказуемое» в Грамматике АН СССР. М. 1954 г. т. II. ч. I. А. Гвоздев. Современный русский литературный язык, ч. II. М. 1958 г.

²⁷ Грамматика русского языка АН СССР, т. II ч. I. М. 1954 г., стр. 417.

²⁸ А. Гвоздев. Современный рус. лит. язык, ч. II. М. 1958 г., стр. 62.

Характерной особенностью сложного типа сказуемого является употребление именной присвязочной части обычно в форме творительного падежа.

Из вышеизложенного явствует, что сложным сказуемым может быть только именное, т. к. при сочетании полнозначного глагола с инфинитивом инфинитив окажется второстепенным членом предложения (либо дополнением, либо обстоятельством цели), т. е. не войдет в состав предикативной единицы. Однако следует отметить, что Грамматика АН СССР употребляет термин «сложное глагольное» сказуемое. Нам кажется, что использование этого термина Грамматикой АН СССР не имеет под собой никаких оснований и является равнозначным термину «составное глагольное» сказуемое, которым пользуются все остальные учебные пособия. Напр.:

Я могу работать. Он начал спорить. Я решил уехать. Я не хотел ему отказать в просьбе и другие им подобные.

С иным критерием к выделению сложного сказуемого подходит проф. Е. М. Галкина-Федорук, которая уже не принимает во внимание лексического значения глагола-связки в составе сказуемого. Галкина-Федорук исходит из количества компонентов, входящих в предикативную единицу. Поскольку Галкина-Федорук считает, что сложное сказуемое образуется путем распространения составного сказуемого, то и данный тип сказуемого она называет сложным составным.

«Сложным составным сказуемым называется сказуемое, состоящее из трех или более слов».²⁹ Напр.:

Маленький Алеша старался быть похожим на отца во всем (Дубов). Я собираюсь ложиться спать и гашу свечи (Одоевский). Учитель должен быть артист, художник, горячо влюбленный в свое дело (Чехов).

Е. М. Галкина-Федорук различает три подвида сложного составного сказуемого: 1) сложное составное глагольное, 2) сложное составное именное и 3) сложное составное смешанное и дает подробное описание их структуры. К *сложному составному глагольному* сказуемому относятся конструкции типа:

²⁹ Е. М. Галкина-Федорук, К. В. Горшкова и А. Н. Шанский, Современный русский язык. Синтаксис. М. 1958 г., стр. 35. Современный русский язык. Синтаксис. МГУ. М. 1958 г., стр. 174.

Он перемешал пережитое с вымыслом и перестал уметь отличать одно от другого (Чехов). Константин хотел продолжать думать, но радость мешала ему (Чехов). С тоски я начал учиться играть на скрипке (Горький).

Конструкции *сложного составного именного* типа сказуемого:

Я счастлив **быть** вам **полезным** (Игнатов). Солдат должен **быть храбрым** и не думать об опасности (Игнатов). Она достойна **быть** его **помощником** (Фогель).

Конструкции *сложного составного смешанного* типа сказуемого:

День **обещал быть** таким же **тихим**, как и вчерашний (Паустовский). Онегин **был готов** со мною **увидеть** чуждые страны (Пушкин). Если бы он захотел, то **мог бы стать** настоящим **ученым** (Чехов).

О таком трехчленном сказуемом упоминается у А. Потебни, который называл его «трехсоставным сказуемым».³⁰

О трехчленном сказуемом как одной из разновидностей сложного сказуемого (сложного составного именного, по терминологии проф. Галкиной-Федорук) говорит и Грамматика АН СССР:

«Творительный падеж имени существительного может вступать в сказуемом в сочетание с личными формами вспомогательных или полнознаменательных глаголов и с инфинитивом другого глагола. В таких случаях образуется сложное трехчленное и, при наличии двух инфинитивов, даже четырехчленное сказуемое».³¹ Напр.:

Мог сойти женихом, стал ездить женихом, хотела быть начальницей, начал служить казачком и т. д.

Трехчленному именовому сказуемому посвящена и статья С. А. Хаврониной.³² Все исследователи отмечают, что в состав трехчленного сказуемого может входить не всякий глагол, а

³⁰ См. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, I—II. X. 1888 г., стр. 382.

³¹ Грамматика рус. яз. АН СССР, т. II ч. I. М. 1954 г., стр. 435—36.

³² С. А. Хавронина. Трехчленное именовое сказуемое в современном русском языке. (Русский язык в школе, № 1. 1958 г.).

только глагол с модальным значением или со значением начала, продолжения или конца действия, т. е. такие глаголы, которые в большинстве случаев не могут быть простым глагольным сказуемым, т. к. без другого дополнительного глагола с конкретным значением не имеют полного лексического значения.

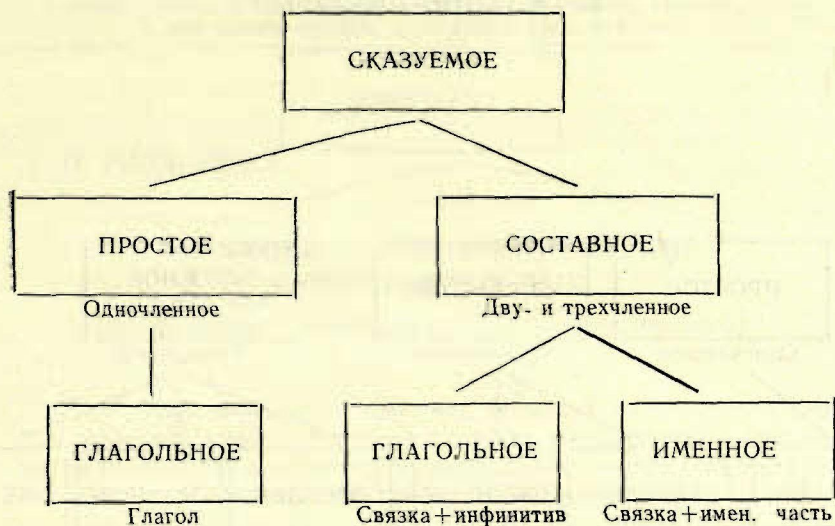
Трехчленное сказуемое в отличие от других видов сказуемого выражает более сложные отношения между предметами и явлениями действительности, т. к. в нем наслаиваются различные модальные и эмоциональные оттенки (возможности, необходимости, желательности и др.). Оно гораздо богаче и разнообразнее по своему значению.

Таким образом, к сложному сказуемому можно подходить с двух точек зрения: 1) однозначности глагола-связки в составе сказуемого и 2) количества входящих компонентов. Следовательно, сложное сказуемое может быть двучленным (только именным) и многочленным (именным и глагольным). Многочленное сложное сказуемое по своему употреблению и сочетанию компонентов ограничено глаголами с определенным лексическим значением.

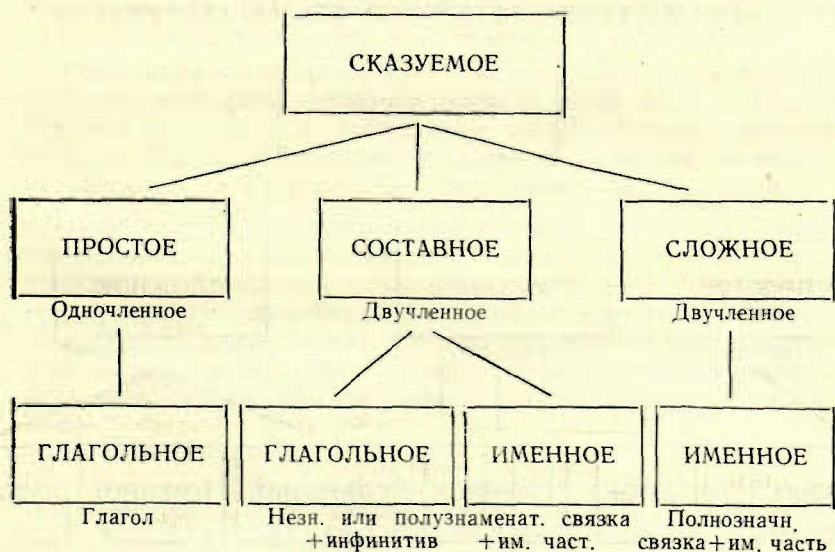
Выделение сложного типа сказуемого в современном русском языке является результатом постепенного и длительного накопления элементов нового качества.

Для большей конкретности и наглядности, а вместе с тем и краткости подведем итог в виде схем, на которых изобразим виды и типы сказуемых, выделяемые в современных учебных пособиях.

ШКОЛЬНАЯ ГРАММАТИКА

СИНТАКСИС РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА ПРОФ. А. ГВОЗДЕВА

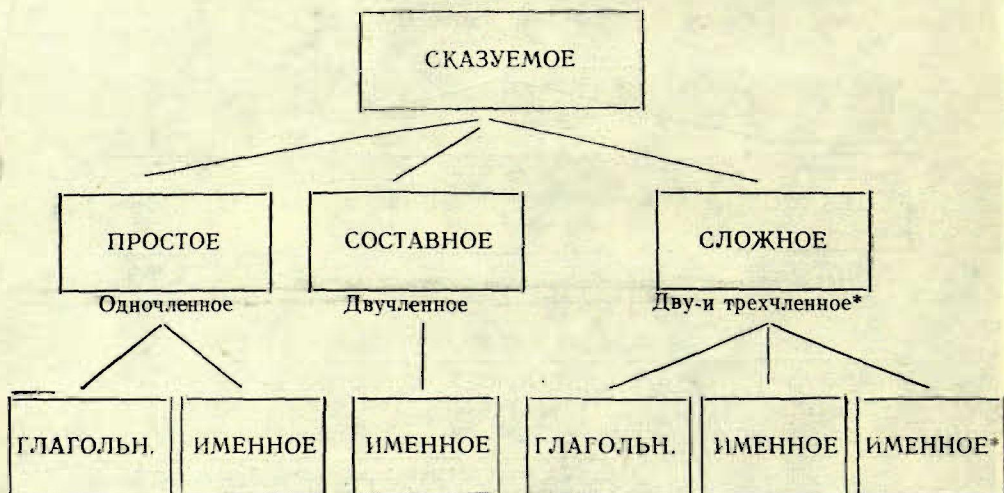

СИНТАКСИС МГУ ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Е. ГАЛКИНОЙ-ФЕДУРУК

ГРАММАТИКА РУССКОГО ЯЗЫКА АН СССР.

И. П. РАЗДОРОВА.

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

(на материале произведений К. Г. Паустовского).¹

К. Г. Паустовский — писатель большой лирической силы. Его произведениям свойственно острое, эмоционально приподнятое отношение к действительности. Поэтому понятен интерес писателя к использованию тропов, особенно метафор.

Задача настоящей статьи — рассмотреть метафорическое употребление существительных в произведениях К. Г. Паустовского. Мы остановимся на двух синтаксических конструкциях: на конструкциях сравнительного типа, где название предмета, с которым что-либо сравнивается, выражается творительным падежом существительного, и на генитивных конструкциях.

Обратимся к пейзажам К. Г. Паустовского, так как общепризнано мастерство этого писателя в изображении пейзажа и в них очень хорошо проявляется метафоризация существительных. Мы останавливаем внимание на существительных — метафорах — они широко распространены у Паустовского.

Писатель, тонко чувствующий русскую природу, в самых, казалось бы, обычных ее картинах находит прекрасное и раскрывает это прекрасное с помощью умело отобранных языковых красок. Не случайно в «Беспокойной юности» и «Золотой розе» Паустовский говорит, что писатель должен видеть краски в их оттенках и переходах. Слово должно действовать на человека «зрительным образом, подобно краске на полотне художника».²

---

¹ Настоящая статья представляет извлечение из III главы кандидатской диссертации «Наблюдения над языком и стилем К. Г. Паустовского».

² К. Г. Паустовский. Собр. соч., т. 2, ГИХЛ, М., 1957 г., стр. 329.

Поэтому Паустовского так же, как героя его «Повести о лесах», тревожит мысль, сможет ли он в своей книге передать «очарование родных просторов, весен, зим, полей, лесов».³

В творчестве К. Паустовского «жизнь в природе» действительно становится постоянным состоянием человека и художника. Он смотрит на природу глазами художника-живописца. Недаром писатель часто и много говорит о левитановской и нестеровской России, а жизни Левитана посвящает взволнованную повесть.

В картинах природы писатель видит безбрежное море поэзии. С природой он связывает такие слова, смысл которых наполнен «поэтическим содержанием» («зарница», «глухомань», «родник», «плес», «истома» и др.).

Выбирая из народной речи слова самые поэтические, красочные, звучные, тонкие по значению заключенных в них оттенков, К. Паустовский доказывает, что только тем, кто любит свою природу и знает свой народ, «русский язык открывается до конца».⁴ Он пишет: «Для всего, что существует в природе, — воды, воздуха, неба, облаков, солнца, дождей, лесов, болот, рек и озер, лугов и полей, цветов и трав, — в современном русском языке есть великое множество хороших слов и названий».⁵

И, может быть, поэтому К. Паустовский часто повторяет мысль о том, что необходимо «собрать слова, имеющие отношение к природе».⁶ Такой словарь К. Паустовский предлагает сделать толковым:

«Например, после слова «сосулька» можно напечатать отрывок из Пришвина:

«Повислые под кручей частые длинные корни деревьев теперь под темными сводами дерева превратились в сосульки и, нарастая больше, достигли воды. И когда ветерок, даже самый ласковый, весенний, волновал воду и маленькие волны достигали под кручей концов сосулук, то волновали их, они качались, стуча друг о друга, звенели, и этот звук был первый звук весны, эолова арфа».

А после слова «сентябрь», — продолжает К. Паустовский, — хорошо бы напечатать отрывок из Баратынского:

³ К. Г. Паустовский. Собр. соч., т. 2, ГИХЛ, М., 1957 г., стр. 480.

⁴ Там же, стр. 563.

⁵ Там же.

⁶ Там же, стр. 576.

И вот сентябрь! Замедля свой восход,
Сияньем хладным солнце блещет,
И луч его в зеркале зыбких вод
Неясным золотом трепещет».⁷

Эти раздумья К. Г. Паустовского относительно изучения словаря природы и работы над этим словарем можно объяснить только горячим стремлением автора показать читателю не только красоту нашей природы, но и широкие богатства языка.

В своих пейзажных характеристиках К. Паустовский, подобно М. Пришвину, очень близок к искусству живописи.

Писатель создает в первую очередь зримый образ и поэтому картины, описываемые им, легко представить себе: он не называет, а показывает предметы. Читатель видит «изображенное словами, как доступное осязанию».⁸

Эта яркая наглядность картин природы достигается умением точно, правильно поставить простые общеизвестные слова, широко использовать всю систему художественных изобразительных средств языка. Конкретность и наглядность достигаются немногими выразительными эпитетами, яркими свежими метафорами, живыми эмоциональными сравнениями.

Не касаясь всех этих вопросов, остановимся на метафоре как наиболее распространенном виде тропа.

Как средство художественной изобразительности, метафора, передавая сущность явления, в сжатой и краткой форме создает наглядный конкретный образ.

Каким же путем создается этот образ?

Писатель вместо характеризуемого предмета, явления, действия, качества называет другой предмет, явление, действие, качество, имеющий с первым какой-нибудь общий признак или признаки, общие черты, т. е. *один предмет называет именем другого*. Так, глядя на горизонт на востоке перед восходом солнца и наблюдая, как постепенно распространяется огненный цвет на месте солнечного восхода, невольно представляешь себе зарево пожара и в мыслях тотчас возникает: **Восток пылает**. **Пылает** — метафора, возникшая на основе внешнего сходства двух явлений: восхода солнца и зарева пожара. Еще Аристотель сказал, что «создавать хорошие метафоры — значит подметать сходство».

⁷ К. Г. Паустовский. Собр. соч., т. 2, ГИХЛ, М., 1957 г., стр. 577.

⁸ А. М. Горький. Цели нашего журнала. Соч., т. 25, ГИХЛ, М., 1953 г., стр. 102.

Метафора основывается на сближении семантически неродственных представлений. Что общего, например, между понятиями «пожар» и «сердце» (пожар сердца), «восток» и «пламя» (восток пылает)? Это далекие друг другу понятия. При метафоризации, благодаря сопоставлению разнородных по значению слов, создаются самые неожиданные сближения свойств, качеств, предметов или действий.

«Метафорический способ выражения усиливает мысль и чувство, придает им поэтическую наглядность, предметную определенность и конкретность», т. к. «один предмет озаряется светом и блеском других, открывая нам доселе неизвестные в них свойства и живописные особенности».⁹

Однако следует отметить, что закон ассоциации по сходству лежит не только в метафоре и метафорическом эпитете, но также и в сравнении.

В основе сравнения лежит также сходство двух представлений. Но сравнение имеет два члена; то, что сравнивается, и то, с чем сравнивается; метафора же имеет один член.

Сравнение отличается от метафоры и тем, что в сравнении слова, обозначающие сравниваемые предметы, всегда имеют прямой смысл. Метафора — слово в переносном значении.

Таким образом, при сравнении (фигуре) рядом с обычным представлением и его выражением ставится другое представление, менее обычное, более чувственное и наглядное; при метафоре (тропе) совсем устраняется обычное, менее чувственное представление и его выражение, а на место его ставится его более чувственный противень (Gegenbild). Итак, одним словом, метафора есть сокращенное сравнение».¹⁰ «Сжатым сравнением» называл метафору и Аристотель, «укороченным сравнением» — Квинтилиан.

При сравнении предметы сопоставляются, разделяясь, при метафоре — сливаются в одном образе: называется только один предмет, другой — подразумевается. Следовательно, **метафора заменяет название самого предмета.**

Слово, употребленное в прямом значении, само по себе художественно нейтрально. Услышав слово «пламя», мы тотчас же представим пылающий костер, пламя пожара, свечи — пламя огня. Метафорическое употребление слова «пламя» станет понятным только в «метафорической группе» — в сочета-

⁹ Астахов И. Метафора. Литературная учеба. 1941 г., № 3.

¹⁰ Потебня А. А. Из записок по теории словесности. Харьков. 1905 г., стр. 263.

нии этого существительного с другим словом. Так, «пламя любви» — очень сильное, захватывающее чувство. Следовательно, понять и оценить метафору можно только в метафорической группе, в художественном контексте.

Среди различных употреблений существительных-метафор большой интерес представляют конструкции сравнительного типа, где название предмета, с которым что-либо сравнивается, выражается творительным падежом существительного.

В пейзажах К. Г. Паустовского эти конструкции с творительным падежом употребляются очень широко.

Обратимся к примерам:

Даже в номере гостиницы, освещенном лампой с зеленым абажуром, были видны следы недавней бури — пыль **веерами** лежала на столе около окон, рама была вдавлена внутрь, и за ней наискось торчала сорванная ветром водосточная труба. «Черное море», 180.¹¹

Над морем в стороне дагестанских берегов синими **взрывами** разверзались зарницы. «Кара-Бугаз», 421.

Ночь упала внезапно и накрыла пустыню громадной **звездной шапкой**. «Кара-Бугаз», 487.

Дождь затихал. Он сыпался мелкой **пылью**. «Колхида», 533. Когда Гулия гнал по этим рекам лодку, то иногда днем бывало темно, как в сумерки: леса смыкались над водой тяжелым **шатром**. «Колхида», 551.

Небо висело глухим свинцовым **куполом**. «Колхида», 581. Ливень гремел по крыше и блестящими **чернилами** струился по стеклам. «Колхида», 585.

Стоял туман. Он сядился водяной **пылью** на лица, на медные поручни. «Повесть о лесах», 440.

Тучами налетали слепни. «Повесть о лесах», 473.

Пух от репейника летал, бывало, целыми облаками. «Повесть о лесах», 366.

Ночной дождь висит над Севастополем непроницаемым **дымом**. «Черное море», 7.

Небо лежит над морем низким **куполом** и не дает тепла. «Черное море», 98.

¹¹ Примеры даются по собранию сочинений К. Г. Паустовского в шести томах, ГИХЛ, М., 1957 г.; из «Рождения моря» по кн. Константин Паустовский. Избранное Советский писатель. М., 1953 г.

Листья ореха лежали на земле тусклыми зелеными пятнами. «Черное море», 159.

Заросли свисают над водой темными арками. «Мещорск. стор.», 207.

Иногда высокие камыши перегораживают каналы сплошными плотинами. «Мещорск. стор.», 207.

Если задеть рукой или веслом за космы мха, из него вылетает густым облаком яркая изумрудная пыль — споры кукушкиного льна. «Мещорск. стор.», 208.

Розовый кипрей цветет невысокими стенами. «Мещорск. стор.», 208.

Голубым хрусталем загорается на заре Венера. «Мещорск. стор.», 210.

Так же, как в море, над лугами дуют свежие ветры и высокое небо опрокинулось бледной зеленеющей чашей. «Мещорск. стор.», 212.

Густота трав в иных местах на Прорве такая, что с лодки нельзя высадиться на берег, — травы стоят непроходимой упругой стеной. «Мещорск. стор.», 213.

Леля шла и смотрела на восток. Там белым шаром поднималось солнце. «Рожд. м.», 623.

Следовательно: пыль лежала, как облако; солнце поднимается, как белый шар; пыль свисала с бурьяна, как лохмотья; заросли свисают над водой, как темные арки; небо лежит над морем, как низкий купол; листья ореха лежали на земле, как тусклые зеленые пятна; ночной дождь висит над Севастополем, как непроницаемый дым; леса смыкались над водой, как тяжелый шатер; небо висело, как глухой свинцовый купол и т. п.

Существительное, употребленное в творительном падеже, считают сравнением, близким, однако, к метафоре.

Некоторые ученые¹² не относят безоговорочно подобные конструкции к сравнительным. Они разграничивают их по характеру сказуемого. Если сказуемое метафорично, значит, творительный падеж существительного — метафора, а не сравнение. Так, в предложении «Стоял туман. Он садился водяной пылью на лица, на медные поручни. «Повесть о лесах», 440» сказуемое «садился» — метафора, следовательно, метафорой является и творительный падеж слова «пылью». А в предложении «Белым пятном светило солнце» — «светило» — не мета-

¹² См., например, Н. П. Лысков. Теория словесности, М., 1941 г.

фора, значит, существительное «пятно» выступает как сравнение.

На наш взгляд, деление существительных, употребленных в творительном падеже, на сравнения и метафоры по такому принципу не убедительно.

В рассматриваемых конструкциях употребленные в творительном падеже существительные нужно разделять не по принципу метафоричности или неметафоричности сказуемого.

На материале исследуемых произведений мы попытаемся дать 2 группы конструкций с творительным падежом и показать, в чем их различие.

Так как творительный падеж существительного может выступать и как метафора, и как сравнение, то условимся для краткости и удобства существительное-метафору называть творительным метафоры, а существительное-сравнение — творительным сравнения.

Творительный сравнения.

В рассматриваемых нами произведениях К. Г. Паустовского большое количество примеров падает на сравнения с неодушевленными существительными:

Медузы валялись на кромке прибора **шарами** мягкого стекла, «Черное море», 82 — медузы были похожи на шары, сделанные из стекла.

Она (Сметанина) распахнула калитку, **бурей** ворвалась во двор и бросилась к старику. «Черное море», 29 — ворвалась, вошла стремительно, подобно буре.

В дыму белыми **клочьями** металась и визжали чайки. «Колхида», 529, т. е. чайки были похожи на клочья белой ваты, может быть.

Тогда Мухин краснеет и **ласточкой** летит в воду. «Черное море», 178 — летит легко, стремительно, подобно ласточке.

На основании наблюдений мы можем сделать вывод, что творительный сравнения встречается в конструкциях, где один из компонентов (именительный или творительный падежи) выражен одушевленным существительным.

Следует заметить, что эта синтаксическая конструкция используется Паустовским реже, чем следующая — творительный метафоры.

Творительный метафоры.

Чем отличается от творительного сравнения творительный метафоры?

Творительный сравнения нельзя превратить в генитивную конструкцию, где явно выступает метафорическая сущность существительного; творительный метафоры — можно.

Голубым хрусталем загорается на заре Венера, «Мещорская сторона», 210. Здесь — хрусталь Венеры, хрусталь — явная метафора.

Огонь, как подрезанный, упал на землю и только низкими языками перебежал, затихая, вдоль вала. «Повесть о лесах», 397. Языки огня — тоже метафора.

Сухой дым подымался к потолку, развиваясь медленными кольцами. «Черное море», 12. Кольца дыма.

На западе они (огни) переливались в оранжевой воде серыми столбами, почти не давали света и казались зажженными только для украшения этих замедленных сумерек. «Черное море», 32. Столбы огня — метафора.

Но стоит переправиться на пароме через Оку, и за широкой полосой приокских лугов уже стоят темной стеной Мещорские сосновые леса. «Мещорск. стор.», 201. Метафора — стена лесов.

Опрокинутое в речной воде небо, покрытое отарами белых облаков, медленно плыло навстречу. «Рождение моря», 552. Метафора — отары облаков.

Но нельзя, например, сказать «буря женщины», «клячья чаек», «горох сусликов» и т. п.

Мы вполне согласны с А. В. Бельским¹³ который считает, что конструкция с творительным падежом может служить источником для метафоры лишь в том случае, если метафора передает чувственное восприятие внешнего вида предмета (. . . вылетает густым облаком яркая изумрудная пыль, . . . травы стоят непроходимой упругой стеной и т. д. — облако пыли, стена травы).

Замена генитивом возможна в том случае, если оба члена рассматриваемой метафорической конструкции — неодушевленные предметы. Если же один из компонентов выражен оду-

¹³ А. В. Бельский. Метафорическое употребление существительных (К вопросу о генитивных конструкциях). Учение записки 1-го Московского пединститута иностранных языков. 1954 г., т. 8, стр. 286.

шевленным существительным, произвести такую замену нельзя. Так, в предложении «Медузы валялись на кромке прибора шарами мягкого стекла» творительный сравнения — шарами стекла. Здесь основной характеристический признак, основа метафоры, абстрагирован, выделен, подчеркнут наиболее ярко: шар — кругл, медуза — шар, следовательно, круглая, как шар.

Замена невозможна и потому, что родительный падеж (в случае замены) воспринимается как родительный принадлежности, а это противоречит логическому смыслу: шары, принадлежащие медузе (из шары медузы), по смыслу обозначают совсем не то, что обозначает «Медузы валялись на кромке прибора шарами мягкого стекла». Точно также неравнозначны понятия «буря, принадлежащая женщине» (буря женщины) из «женщина распахнула калитку, бурей ворвалась во двор и бросилась к старику». «Буря женщины» — совершенно абсурдное понятие.

Метафора новообразованной генитивной конструкции тесно связана с глаголом-сказуемым: гора сосны — лежала, глыбы глины — падали, бугры песков поднимались, столб дыма подымается, дым дождя висит, срез солнца висит, пласты снега лежали и т. д.

Тесную связь с глаголом-сказуемым можно объяснить тем, что генитивная конструкция образована из творительной конструкции сравнительного типа, где творительный падеж — приглагольный (а не приименный) и, таким образом, тесно связан с глаголом, обозначая образ, способ действия: сосна лежала (как? каким образом?) горой, глина падала (как? каким образом?) глыбами и т. д.

При отсутствии глагола читателем не очень ясно воспринимается основа метафор. Так, за основу метафорической конструкции «хрусталь Венеры» можно принять как особый цвет белого хрустала (с синевой), так и его блеск, сильно преломляющий свет.

Метафорическое употребление существительных в генитивных конструкциях.

В языке художественной литературы с давних пор широко употребляется синтаксическая конструкция с генитивом в метафоре. Сюда относятся словосочетания типа: языки пламени, столбы пыли, золото садов, веера дыма и т. п. В произведениях советских писателей подобные генитивные конструкции встре-

чаются очень часто: грязь прошлого — Лесков, зев болота, пена гнева — Горький, фейерверк фактов — Маяковский, хлопья мыла, аромат земли — Шолохов и др.

В этих словосочетаниях родительный падеж относится к метафоре, употребленной в именительном падеже существительного, и разъясняет, определяет ее. Без этого определения не было бы метафоры. В самом деле, например, существительное «ткань» получило метафорическое значение только в сочетании с родительным падежом существительного «небо»: ткань неба. Само по себе слово «ткань» значит — всякая тканая материя, то, что приготовлено тканьем.

Обычно генитивные конструкции соотносятся с суждением сравнительного типа: шар солнца — походит на шар и т. п. В основе же некоторых из них лежит не сравнительное предложение, а просто утвердительное с глагольным или адъективным предикатом. Метафора в них обозначает:

а) действие, состояние или процесс (родительный падеж указывает на субъект этого действия): фальцет паровоза, удары ветра, гул леса, сияние глины, ярость ветра и т. п.

б) признак предмета, явления (родительный падеж выступает как носитель признака): жар желаний, пламя надежды, град насмешек, отблеск будущего и т. п.

Вторая разновидность структур является речевыми штампами, риторическими метафорами. Паустовский их использует очень редко, т. к. они являются украшающим средством риторической речи и подобно языковым метафорам¹⁴ не создают ни полной наглядности, ни новизны восприятия описываемых предметов и явлений, ни своеобразной оценки их. Поэтому нет нужды останавливаться на этих конструкциях.

Остановимся несколько подробнее на поэтических метафорах. Они являются продуктом творческой мысли писателя, продуктом индивидуально-авторского наблюдения и размышления в области поэтического языка. В основе выражений с поэтическими метафорами лежит «непосредственное восприятие действительности, видение мира»¹⁵ при первом впечатлении от него.

Для пейзажного описания К. Г. Паустовского характерны поэтические метафоры, создающие наглядный образ предмета:

Несмотря на ясное утро, в небе еще висел тонкий рог месяца. «Рожд. м.», 505.

¹⁴ А. В. Бельский. Указанная статья, стр. 286.

¹⁵ В данной статье мы не касаемся вопроса языковых метафор типа ножка стола, рост промышленности и т. п.

Даже **пунцовые свечи кипрея**, разросшегося в изобилии на стенах сгоревших домов, хотели, казалось, украсить этот город. «Повесть о лесах», 456.

Они подхватили рейку и инструменты, побежали к шалашу, навстречу **свинцовой стене ливня**, и успели спрыгнуть вниз, на землянку, когда отвесно падающая вода шумела, набегая уже рядом, в нескольких шагах. «Повесть о лесах», 344. Я смотрел на **бронзовые слитки гор**. «Черное море», 137. От этих трехчленных конструкций отличаются двучленные: Пожалуй, больше всего ему (Чайковскому) помогали леса, лесной дом, где он гостил этим летом, просеки, заросли, заброшенные дороги — в их колеях, налитых дождем, отражался в сумерках **серп месяца**, — этот удивительный воздух и всегда немного печальные русские закаты. «Повесть о лесах», 309.

Травы перевиты предательскими петлями ежевики. «Мещорская сторона», 213.

Прохладный воздух едва качает **язычок свечи**. «Мещорская сторона», 228.

Подбором метафор К. Паустовский пытается, с одной стороны, ярче оттенить то или иное явление, а с другой стороны, передать читателю соответствующее настроение. Вот как описывает автор в «Повести о лесах» ночь, когда в серой, мертвой тишине послышались неторопливые, но сильные, уверенные удары пушек нашей армии:

«Когда подошли к мостку, долетел второй пушечный удар. Он **встряхнул сырую ночь**. Застоявшийся в кустах холодноватый воздух ударил в лицо. По черной болотной воде пробежала мелкая рябь». «Повесть о лесах», 425.

Пейзаж находится в тесной связи с событиями, описанными в произведении «Черное море». Лейтенант Шмидт приговорен к повешению. И природа как бы тоскует, плачет. «Черная мгла» висит над заливом и степью. «Всё было серо и мрачно — и небо, и залив, и город, и лица жителей, прятавшихся по домам». «Город притих, сжался. Несчастье вошло в дома, погасило очаги и приглушило голоса». «Черное море», 67.

Или еще пример:

Рубят богатый лес, который для П. И. Чайковского был «неотделим от его размышлений, от музыки . . ., от лучших минут его жизни». Композитор бессилён спасти лес от вырубки.

Паустовский прекрасно передает его состояние через описание природы:

«Он быстро пошел домой. То справа, то слева, то позади слышался гул падающих стволов. И всё так же *тупо ухала земля*. Птицы металась над порубкой. Даже *облака*, казалось, *ускорили свой бег* в равнодушной ко всему небесной синеве. «Повесть о лесах», 322.

«За свежей порубкой, за навалом сосен открывалась тусклая предвечерняя даль. Над ней низко висело багровое солнце». «Повесть о лесах», 325.

*

Художественная литература является той лабораторией, в которой происходит творческая обработка средств общенародного языка.

Писатель ставит задачу — создать яркие картины, выделить живые фигуры людей настолько убедительно, чтобы читатель з р и м о представил движение жизни. С этой целью он отбирает из богатства языковых средств (лексических, синтаксических, морфологических) те, которые способствуют раскрытию **образа** и пониманию соответствующего художественного контекста.

Стремление к яркой образности заставляет художника слова избегать речевых штампов, трафаретов, побуждать его чаще, чем мы это делаем в обычной разговорной речи, прибегать к тропам, сравнениям и другим художественно-изобразительным средствам языка.

На материале произведений К. Г. Паустовского мы рассмотрели метафорическое употребление существительных в его пейзажах.

Романтическое восприятие явлений природы приводит К. Паустовского к оригинальным приемам метафоризации.

Для пейзажных описаний исследуемых произведений писателя характерны метафорические конструкции с творительным падежом. Причем творительный падеж может выступать и как метафора, и как сравнение.

Мы пришли к выводу, что творительный сравнения наблюдается в конструкциях, где оба компонента (именительный и творительный падежи) или же один из них выражены одушевленными существительными. Такие конструкции, как правило, нельзя заменить генитивными метафорическими конструкциями; творительные же метафоры легко превратить в генитивные.

Наиболее широко распространены в пейзажах исследуемых произведений творительные метафоры.

В своих произведениях Паустовский широко использует и метафорические генитивные конструкции. В них родительный падеж относится к употребленной в именительном падеже метафоре. Такого типа поэтические метафоры охотно используются писателем, т. к. они помогают наглядно представить картины природы.

Используя метафоры, К. Г. Паустовский достигает красочности в изображении природы. Однако эта красочность не является самоцелью, смысл ее в характерности и отчетливости изображаемого.

Метафоры в пейзажах Паустовского реалистически просты и служат стремлению сделать более живым понимание основного, главного в предметах и явлениях действительности, в наиболее яркой и образной форме раскрыть идею.

Т. И. ПАБАУСКАЯ.

К ВОПРОСУ О РАБОТЕ А. П. ЧЕХОВА НАД ЯЗЫКОМ (ВАРИАНТЫ РАССКАЗА «КРИВОЕ ЗЕРКАЛО»).

«Кривое зеркало» — единственный из ранних рассказов А. П. Чехова, от которого дошли до нас и черновой и белой автографы.¹ Расхождения между первопечатным текстом 1883 года² и белой рукописью свидетельствуют о том, что рассказ правился в корректуре. В 1899 году это произведение было основательно переработано автором для собрания сочинений.

Таким образом, имеются четыре варианта текста.

Подробный анализ работы Чехова над языком этого рассказа (по всем четырём вариантам) содержится в нашей статье, напечатанной в XVI томе «Учёных записок».³

Ниже публикуются 1) первопечатный журнальный текст с указанием всех расхождений его с черновой и белой рукописями и 2) текст собрания сочинений с указанием всех отличий его от журнального.

Приняты следующие условные обозначения: зачеркнутые места черновой рукописи отмечены значками <...>; в круглые скобки (...) заключены слова и предложения, устранённые при переписывании рукописи на бело; разрядкой даются вставки в белой рукописи; двойными скобками ((...)) отмечены сокращения в корректуре; подчёркнуты новые слова, вставленные в корректуре и отсутствующие в рукописи.

---

¹ Черновая и белая рукописи хранятся в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина (Фонд А. П. Чехова, шифр Чех. 1—4 —), рукописи не опубликованы.

² Журнал «Зритель», 1883, № 2.

³ См. Т. И. Пабауская, Работа А. П. Чехова над языком рассказа «Кривое зеркало» (по рукописям и вариантам). Учёные записки Латвийского госуниверситета имени Петра Стучки, том XVI, 1957 г.

В тексте собрания сочинений в скобки заключены места журнального текста, зачёркнутые в корректуре 1899 года, подчёркнуты вставки.

КРИВОЕ ЗЕРКАЛО

((Святочный рассказ))

(Святочный фантастический рассказ)

<Мы с женой> Я и жена моя вошли в гостиную. Там пахло мохом и сыростью. <При нашем появлении> Миллиард крыс и столько же ((ящериц и)) мышей бросилось в ((во все)) стороны, когда мы осветили стены, не выдавшие света в продолжение столетия. ((В углу квакнула лягушка.)) Когда мы затворили за собой дверь, пахнул ветер и зашевелил бумагу, стопами лежавшую в углах. Свет упал на бумагу и мы увидели старинные письма и средневековые изображения. На позеленевших от времени стенах висели портреты предков. Предки глядели надменно-сурово и в каждом глазе их читалось: «Выпороть бы тебя, братец!» Шаги наши глухо раздавались по всему дому. Моему кашлю отвечало эхо, отвечавшее когда-то предкам. А ветер выл и стонал. В каминной трубе кто-то плакал и ((кашлял)) в этом плаче слышалось отчаяние. Крупные капли дождя стучали в потускневшие окна <их> и их стук наводил тоску. (Между портретами и над ними висели ружья, карабины, <принадли> охотничьи сумки, <тру> медные трубы — и всё это покрыто пылью и плесенью).

«О предки, предки! сказал я (вздыхнув) вздыхая. <Посмо> При взгляде на каждый портрет, мне хочется написать длинейший роман. (Каждый из них, из этих старцев, имел свой роман). Каждый из этих старцев и каждая старуха имеет свой роман... и какой роман! Ничего подобного (душа моя) душенька не даст тебе ни «Заграничный Вестник», ни Ахматова, ни Пушкирев в своей «Европейской (б) Библиотеке». Взгляни например на прабабушку. Эта некрасивая, уродливая ((женщина)) старушенция име<ла>ет свою повесть. Видишь ли ты зеркало, которое висит там в углу? И я <пок> указал жене на большое зеркало в чёрной

бронзовой оправе, висевшее в углу около портрета прабабушки.

«Это зеркало ((убило)) погубило мою прабабушку. Она заплатила за него громадные деньги и не расставалась с ним до с а м о й смерти. Она <не пила, не ела> смотрелась в него, не переставая, дни и ночи, даже и тогда, когда пила и ела. Ложась спать, она клала его с собой в постель, (а) и умирая просила положить его в её гроб. Не <положили его в гроб> исполнили её последнего желания т о л ь к о потому, что <оно> зеркало не влезло в гроб.

«Она была кокетка? стало быть? спросила жена.

«Положим, ((но)) Но разве у неё не было других зеркал? (Тут, матушка, кроется загадка, которую не нам решать. В зеркале, говорит преданье, сидит чёрт. Оно обладает таинственной силой.) Почему именно она полюбила это зеркало, а не другое какое-нибудь? И разве у неё не было зеркала получше? Нет-с. Тут, ангел мой, кроется какая-то злокачественная тайна. Не иначе. Преданье говорит, что в зеркале сидит чёрт ((а) и что прабабушка ((любила чертей)) благоволила к чертям. ((Оно)) Это стекло в бронзовой раме обладает таинственной силой. (Я подошёл к зеркалу, сдунул с него <в> пыль <и> поглядел в него и захохотал.) Я сдунул с зеркала пыль, поглядел в него и захохотал. Хохоту моему глухо ответило эхо. Зеркало было криво и физиономию мою (скривило) (п) и скривило в три погибели: нос очутился на левой щеке, а подбородок раздвоился и полез в сторону.

«Хорош же вкус у моей ((пра)) бабушки! сказал я. Жена робко подошла к зеркалу (и) тоже взглянула в него. (Но она не захохотала и даже не улыбнулась. О ужас!) и... ужасно! Она побледнела, затряслась всеми членами и взвизгнула, как щенок, которому наступили на хвост. Подсвечник выпал из её рук, покатылся по полу и свеча потухла. Нас окутал мрак. (Я <слы> тотчас же услышал) Тотчас же я услышал падение на пол чего-то тяжёлого: то упала без чувств моя жена. Ветер застонал ещё жалобней, забегали крысы, ((заквакала лягушка,)) в бумаге зашелестели мыши... Волосы мои стали дыбом и зашевелились, когда ((из кашля в каминной трубе сложились слова: «(Она погибла) О н и п о г и б л и!)) с окна сорвалась ставня и полетела вниз на

землю. В окно заглянула луна. Я схватил жену в охапку и вынес её из жилища предков. Очнулась она только на другой день вечером.

«Зеркало! Дайте мне зеркало! заголосила она, очнувшись. Целую неделю она не пила, не ела, не спала, а всё просила зеркало. (Это продолжалось целую неделю.) Наконец, когда доктора объявили <мне>, что она близка к голодной смерти, я пересилил свой страх и принёс <пр> (зеркало прабабушки) прабабушкино зеркало. Увидев (зеркало) его, она захохотала от счастья. Она обняла (его) ((зеркало)) его, поцеловала и впилась в него глазами.

И вот прошло уже десять лет, а она ещё ни разу не отрывала глаз от этого (проклятого) зеркала.

«Неужели это я? шепчет она и щёки её то и дело покрываются румянцем. Да, это я... Всё лжёт, кроме этого зеркала. Прочь, муж! Он не стоит меня! **Не стоит.**

Однажды, стоя позади жены, я (взглянул) заглянул в зеркало и открыл страшную тайну. Я увидел женщину ослепительной красоты, <состоящую> столько же похожую на мою жену, сколько я на свой затылок. <Кривая физиономия моей жены> (Из уродливой физиономии моей супруги в кривом зеркале получилась хорошенькая рожица) Кривое зеркало покривило уродливую ((физию)) физиономию моей супруги и сделало из неё хорошенькую рожицу. Минус на минус дало плюс.

«О женщины, женщины! ((говорю)) восклицаю я теперь и ((говорю)) восклицаю правду, хотя я ((и)) не Шекспир и даже не Аверкиев.

КРИВОЕ ЗЕРКАЛО

(святочный фантастический рассказ)
Святочный рассказ

Я и жена моя вошли в гостиную. Там пахло мохом и сыростью. (Миллиарды) Миллионы крыс и (столько же) мышей бросились в стороны, когда мы осветили стены, не издавшие света в продолжение целого столетия. Когда мы затворили за собой дверь, пахнул ветер и зашевелил бу-

магу, стопами лежавшую в углах. Свет упал на эту бумагу, и мы увидели старинные письма и средневековые изображения. На позеленевших от времени стенах висели портреты предков. Предки глядели надменно, сурово, (и в каждом глазе их читалось) **как будто хотели сказать:**

— Выпороть бы тебя, братец!

Шаги наши (глухо) раздавались по всему дому. Моему кашлю отвечало эхо, (отвечавшее) **то самое эхо, которое когда-то отвечало моим предкам . . .**

А ветер выл и стонал. В каминной трубе кто-то плакал, и в этом плаче слышалось отчаяние. Крупные капли дождя стучали в (потускневшие) **темные, тусклые окна, и их стук наводил тоску.**

— О, предки, предки! — сказал я, вздыхая **значительно.** — (При взгляде на каждый портрет мне хочется написать) **Если бы я был писателем, то, глядя на портреты, написал бы длинн(ейший)ый роман. Ведь каждый из этих старцев (и каждая старуха имеет свой) был когда-то молод и у каждого или у каждой был роман . . . и какой роман! (Ничего подобного, душенька, не даст тебе ни «Заграничный Вестник», ни Ахматова, ни Пушкин в своей «Европейской Библиотеке. Взгляни, например, на эту старушку, мою прабабушку. Эта некрасивая, уродливая (старушенция) женщина имеет свою в высшей степени интересную повесть. Видишь ли ты, — спросил я у жены, — видишь ли зеркало, которое висит там в углу?**

И я указал жене на большое зеркало в чёрной бронзовой оправе, висевшее в углу около портрета моей прабабушки.

— Это зеркало обладает **волшебными свойствами: оно погубило мою прабабушку. Она заплатила за него громадные деньги и не расставалась с ним до самой смерти. Она смотрелась в него дни и ночи, не переставая, (дни и ночи) смотрелась даже (и тогда), когда пила и ела. Ложась спать, она всякий раз клала его с собой в постель и, умирая, просила положить его с ней вместе в (её) гроб. Не исполнили её (последнего) желания только потому, что зеркало не влезло в гроб.**

— Она была кокетка (стало быть)? — спросила жена.

— Положим. Но разве у неё не было других зеркал? Почему (именно) она так полюбила **именно** это зеркало, а не другое какое-нибудь? И разве у неё не было зеркал(а) **лучше? Нет (-с), тут, (ангел мой) милая, кроется какая-то**

(злокачественная) ужасная тайна. Не иначе. Предание говорит, что в зеркале сидит чёрт и что у прабабушк (а) и — де (благоволила) была слабость к чертям. Конечно, это вздор, но несомненно, что (это стекло) зеркало в бронзовой (раме) оправе обладает таинственной силой.

Я (сдунул) смахнул с зеркала пыль, поглядел в него и захохотал. Хохоту моему глухо ответило эхо. Зеркало было криво, и физиономию мою (и)скривило (в три погибели) во все стороны: нос очутился на левой щеке, а подбородок раздвоился и полез в сторону.

— (Хорош- же) Странный вкус у моей прабабушки, — сказал я.

Жена (робко) нерешительно подошла к зеркалу, тоже взглянула в него — и (... ужасно! ...) тотчас же произошло нечто ужасное. Она побледнела, затряслась всеми членами и (взвизгнула, как щенок, которому наступили на хвост) вскрикнула. Подсвечник выпал у неё из (её) рук, покатился по полу, и свеча потухла. Нас окутал мрак. Тотчас же я услышал падение на пол чего-то тяжёлого: то упала без чувств моя жена.

Ветер застонал ещё жалобней, забегали крысы, в бумагах (зашелестели) зашуршали мыши. Волосы мои стали дыбом и зашевелились, когда с окна сорвалась ставня и полетела вниз (на землю). В (окно заглянула) окне показалась луна.

Я схватил жену (в охапку) обнял и вынес её из жилища предков. Очнулась она только на другой день вечером.

— Зеркало! Дайте мне зеркало! — (заголосила) сказала она, (очнувшись) приходя в себя. — Где зеркало?

Целую неделю потом она не пила, не ела, не спала, а всё просила, чтобы ей принесли зеркало. Она рыдала, рвала волосы на голове, металась и, наконец, когда доктор(а) объявил(и), что она (близка к голодной смерти) может умереть от истощения и что положение её в высшей степени опасно, я, пересилил(л) вая свой страх, опять спустился вниз и принёс ей оттуда прабабушкино зеркало. Увидев его, она захохотала от счастья, (Она обняла) потом схватила его, поцеловала и впилась в него глазами.

И вот прошлю уже более десят(ь)и лет, а она всё ещё глядится в зеркало и (ни разу) не отрыва(ла)ется (глаз от этого зеркала) ни на одно мгновение.

— Неужели это я? — шепчет она и (щёки её то и дело покрываются румянцем) на лице её вместе с румянцем

вспыхивает выражение блаженства и восторга. — Да, это я! Всё лжет, кроме этого зеркала! Лгут люди, лжёт муж! О, если бы я раньше увидела себя, если бы я знала, какая я на самом деле, то не вышла бы за этого человека! (Прочь, муж!) Он не (стоит) достоин меня! (Не стоит!) У ног моих должны лежать самые прекрасные, самые благородные рыцари!...

Однажды, стоя позади жены я (заглянул) нечаянно поглядел в зеркало и — открыл страшную тайну. В зеркале я увидел женщину ослепительной красоты, (столько же похожую на мою жену, сколько я на свой затылок) какой я не встречал никогда в жизни. Это было чудо природы, гармония красоты, изящества и любви. Но в чём же дело? Что случилось? Отчего моя некрасивая, неуклюжая жена в зеркале казалась такою прекрасной? Отчего?

А оттого, что кривое зеркало покривило (уродливую физиономию) некрасивое лицо моей (супруги) жены во все стороны и (сделало из неё хорошенькую рожицу) от такого перемещения его черт оно стало случайно прекрасным. Минус на минус дало плюс.

(— О женщины, женщины! восклицаю я теперь, и восклицаю правду, хотя я не Шекспир и даже не Аверкиев).

И теперь мы оба, я и жена, сидим перед зеркалом и, не отрываясь ни на одну минуту, смотрим в него: нос мой лезет на левую щеку, подбородок раздвоился и сдвинулся в сторону, но лицо жены очаровательно — и бешеная, безумная страсть овладевает мною.

— Ха-ха-ха! — дико хохочу я. А жена шепчет едва слышно:

— Как я прекрасна!

К 100-летию со дня рождения А. П. Чехова

ПИСЬМА ЛАТЫШСКИХ КОРРЕСПОНДЕНТОВ К А. П. ЧЕХОВУ

Произведения А. П. Чехова ещё при его жизни вышли за пределы русской аудитории и стараниями ценителей его таланта были переведены на ряд языков (английский, французский, немецкий, чешский и др.). Среди множества корреспонденций, полученных писателем в 90-е — начале 900-х г.г., заметное место принадлежит письмам лиц, обращавшихся к Чехову с просьбой разрешить им перевести его произведения или сообщавших о появлении новых переводов. В настоящей статье остановимся на нескольких письмах латышских корреспондентов А. П. Чехова.

Латышскому читателю имя А. П. Чехова стало известно также ещё при жизни писателя. Переводы отдельных его произведений печатались в латышских газетах уже с самого начала 90-х годов. Так, переводы рассказов «Налим» и «Неожиданный успех» появились в печати в 1890 г., «Тайный советник» в 1894 г. Интересно отметить, что рассказ «Анна на шее» в переводе на латышский язык вышел сразу вслед за его первым изданием на русском языке, т. е. в том же 1895 г.

Как видно из публикуемых писем, в Латвии внимательно следили за русской литературой и стремились сделать лучшие её произведения достоянием широкого круга читателей. Письма говорят о всё возрастающей известности имени Чехова среди латышей.

«... все образованные латыши достойно ценят Ваш талант и с большим интересом слушают и читают все Ваши сочинения», — пишет К. Залит.

«Прибалтийские обитатели с интересом желают читать Ваши произведения», — сообщает Э. Краст.

«Ваше имя уже хорошо знакомо латышской публике. . .», — пишет Г. Егер.

«Ваше имя у читателей латышской публики пользуется почётной известностью. Особенно за последнее время наша печать дала много переводов Ваших произведений», — читаем в письме К. Скарре.

Ниже публикуются полностью письма, полученные А. П. Чеховым от Карла Залита, Карла Скарре, Эдуарда Краста и Гаральда Егера. Первые три названных корреспондента проживали в Латвии, последний в Петербурге.¹

«Высокопочтенный
Антон Павлович!

Имею честь обратиться к Вам с просьбой разрешить мне перевести монолог «О вреде табака» на латышский язык для постановки в рижском (первом в Прибалтийском крае) латышском театре. Монолог имел большой успех у местной публики при постановке на русском языке, и бесспорно с тем же успехом пройдет на сцене латышского театра, так как все образованные латыши достойно ценят Ваш талант и с большим интересом слушают и читают все Ваши сочинения.

Надеюсь это получить от Вас до Рождественских праздников.

С почтением
заранее благодарный Вам
Карл Залит.

Мой адрес,
Рига, Дерптская ул. № 25, кв. 34.»²

---

¹ Письма хранятся в Рукописном отделе Гос. библиотеки СССР имени В. И. Ленина в Москве (фонд 331—45. II, 331—59. 4, 331—48. 53, 3 1—4 .) Письма публикуются впервые. Язык, орфография и пунктуация писем сохраняются.

² Письмо К. Залита не датировано.

Гаральд Карлович
Егер

С.-Петербург, Казанская д. 8-10 кв. 14³

С. Петербург
28 января
1900 г.

Милостивый Государь,
Глубокоуважаемый
Антон Павлович!

Благодарю Вас за любезный ответ на мое письмо к Вам. Я должен сказать Вам, что Вы слишком преувеличиваете значение моих скромных услуг, которые я от чистого сердца предлагаю Вам. Я бы просил ничего не докладывать собранию Благотворительного общества относительно моего письма. За обещание выслать отчеты и т. д. очень Вам признателен.

С истинной радостью я сегодня прочел в «Новом Времени» корреспонденцию из Москвы о том, что Лев Толстой присутствовал на представлении Вашей пьесы: «Дядя Ваня». Позвольте мне поздравить Вас с таким приятным событием.

Скажите, какие основания имеет пущенный газетами слух о Вашем приезде сюда, для присутствия на первом собрании вновь избранных литературных академиков?

Я попробую среди моих знакомых собрать несколько грошей на санаторию.⁴ Соберу — Вышлю Вам.

Засим позвольте мне попросить у Вас извинения, что я вообще надоедаю Вам своими письмами.

Примите уверения в моей совершенной преданности и истинном почтении.

Г. К. Егер.»

P. S. У меня большая просьба к Вам. Недавно вышел 1-ый том Ваших рассказов у А. Ф. Маркса. Не разрешите ли Вы мне, как человеку отлично знающему латышский язык, перевести несколько «рассказов» на латышский язык. Ваше имя уже хорошо знакомо латышской публике по переводам др (угих) Ваших вещей. Мне было бы неловко переводить Ваши сочинения без Вашего разрешения.

Г. Е.»

³ Личный штамп.

⁴ Речь идет, вероятно, о сборе средств на строительство санатория, предпринятое ялтинским благотворительным обществом, активным деятелем которого был А. П. Чехов.

Пом. прис. повер.
Карл Алексеевич Скарре
Либава
Господская ул., д. Андерса

«6/VIII 1903

Глубокоуважаемый Антон Павлович!

Несколько лет тому назад в Либаве основалось Общество издания латышских книг, задавшееся целью распространять среди публики дешевые и полезные издания на латышском языке, главным образом, переводные. Цель Общества исключительно просветительная, книги продаются без всякого барыша, и нельзя сказать, чтобы дела Общества были блестящи в материальном отношении. Но Общество старается по мере сил делать свое пока небольшое дело и надеется со временем окрепнуть.

Ваше имя у читателей латышской публики пользуется почетной известностью. Особенно за последнее время наша печать дала много переводов Ваших произведений. Но, во-первых, из Ваших произведений переведена сравнительно лишь небольшая часть, а во-вторых, переводов следует искать в латышских газетах и журналах, так как отдельного сборника не существует. Наше Общество желало бы восполнить этот пробел: оно желало бы издать сборник Ваших избранных рассказов. От имени Общества я и осмеливаюсь просить Вашего разрешения и питаю надежду, что в виду культурного значения этого начинания Вы не откажете в своем согласии. На первых порах мы намерены выпустить книжку в 20 рассказов за цену в 15—20 коп(еек); затем в случае успеха — а в успехе трудно сомневаться — издать еще несколько сборников. Мы уверены, что латышский читатель с благодарностью встретит наше начинание и поддержит его. Чтобы быть вполне уверенным в успехе задуманного, Общество поручило мне просить Вас, не согласились ли бы Вы предоставить нам исключительное право перевода Ваших сочинений на латышский язык. Подобная «монополия» обеспечивала бы в некоторой степени материальный успех издания. В ожидании Вашего благосклонного ответа прошу принять уверение в моей искренней преданности и уважении.

Пом(ощник) прис(яжного) пов(еренного)
К. А. Скарре.»

«Милостивый Государь!

Всепокорнейше обращаюсь к Вам с прошением воспледующем: прошу дозволить мне перевести Ваши произведения помещены в «Ниве» за с. г. в ежемесячных сочинениях для помещения в латышских газетах. Прибалтийские обители с интересом желают читать Ваши произведения. Прошу исполнить мое прошение!

Адрес: Чр. Штокмансгоф, Р. О. ж. д.
и Мадон Лаудон-Одзен

Эдуарду Красту.

В 19 $\frac{26}{\text{viii}}$ 03 г.

«Милостивый Государь!

Покорно прошу, дать свое согласие, на перевод Ваших произведений в «Ниве» с. г. на латышский язык, с условием, что в каждой упомянутой статье будет упомянуто, что это есть перепечатка. Статьи будут помещаемые в Прибалтийских газетах. Покорно прошу дать ответ:

адрес: Чр. Штокмансгоф
Р. О. ж. д. Лифл. губ.
Лаудон-Одзен

с соверш(енным)

почт(ением) Э. Краст в 19 $\frac{9}{\text{xii}}$ 03.

Письма эти — живое свидетельство несомненной популярности А. П. Чехова среди латышских читателей, которым были близки и понятны произведения великого русского писателя, чье творчество при всем его национальном своеобразии принадлежит мировой культуре.

Публикации и комментарии
Т. И. Пабауской

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. От редакционной коллегии	5
2. Н. Д. Боголюбова и Л. И. Таубенберг. О древнерусских памятниках XIII—XIV вв. Рижского городского архива	7
3. М. А. Соколова. Синонимы в памятниках XVI века (по материалам «Домостроя»)	23
4. Т. Ф. Мурникова. Русские говоры Эстонии	44
5. М. Ф. Семенова. Образцы текстов некоторых рус- ских говоров Латвийской ССР	53
6. Н. А. Донец. К вопросу о границах и типах ска- зуемого	57
7. Н. П. Раздорова. Метафорическое употребление существительных (на материале произведений К. Г. Паустовского)	77
8. Т. И. Пабауская. К вопросу о работе А. П. Че- хова над языком (варианты рассказа «Кривое зер- кало»)	91
9. К 100-летию со дня рождения А. П. Чехова . . . . . Т. И. Пабауская. Письма латышских корреспондент- тов к А. П. Чехову	99